

ДАШАЛУНИНА

ГОЛУБЫЕ
ПЛОТОВИЦЫ

12+

Даша Лунина

Голубые пуговицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39155074

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга о самых разных людях, встречавшихся в моей жизни. О том, что жизнь – безумный коктейль, который можно пить бесконечно, потому что он имеет неповторимый вкус. Лёгкие истории, размышлизмы, анекдоты, блёстки, грустинки – главы этой книги.

Голубые пуговицы

О себе я могу сказать немного. То есть то, что хотела бы, уже сказано там, в книге. На самом деле я скучная банковская крыса, и справила вот уже тридцатый день рождения; то есть мне двадцать девять. Учусь на психолога, просто на всякий случай. Куда-то всё время иду. Характер имею скверный, ранимый до обидчивости, да к тому же чрезвычайно злой юмор. И очень люблю жить. Просто так жить, низачем. Для того, чтобы. Потому, что.

Я никогда не писала книг. Впрочем, я и леопарда с руки никогда не кормила. Некоторые вещи можно попробовать, а некоторые – только один раз. Думаю, руку мне за написанную книгу не откусят, правда же? Сколько-то времени уже прошло с самой первой моей записи, и, наконец, я созрела и до того, чтобы собрать воедино свои записки и заметки. Тем более, кажется, их даже ждут. Ну, её. Книгу то есть. И вот – пишу. Да, маленькое лирическое отступление – вдохновения как такового я не знаю. И книга появится на свет только благодаря им, тем, кто всё это время со мной рядом навсегда. И несколько моих читателей, и форумчане, и Куропатка, и даже Дракон. И на самом деле это всё для них. То есть для вас. Всех.

Даша Лунина

Первая часть книги

Как ни странно, но это действительно первый какой-то осознанный и серьёзный (ну, или претендующий на серьёзность) рассказ. Не заметка. Просто выплеснутое чувство, прямо на бумагу, которое и открыло путь всем остальным. Конечно, это звучит куда как пафосно, но на самом деле всё так оно и есть. И если уж он, этот рассказик, стал первым, то пусть так и остаётся. Да, кстати. Это единственный рассказ, у которого с самого начала есть название. И я подумываю сделать это названием всей книги. Впрочем, поживём – увидим. Ну, а поскольку всё же заметки начались именно с дочки, то в воображаемой первой части будет про неё. А в конце будут блёстки, куда ж без них девочкам? Ну, а во второй части – про всё остальное. Точнее, про всех остальных, тех, кого мне довелось увидеть и услышать за мои неполные тридцать. Итак, поехали.

Голубые пуговицы

Ох уж эти пуговицы! Чисто голубые, не серые как у отца! И уж конечно совсем не карие, как у меня. Голубые, истинно голубые пуговицы, с тёмно-серыми крапинками вокруг зрачка и тёмной обводкой по краю радужки. Эти пуговицы не дают мне покоя ни днём ни ночью. Они всё время пытли-

во смотрят, любопытно ощупывают, недоумённо таращатся, непримиримо сверкают. Они способны разговаривать сами по себе. Прямой взгляд в упор – и непонятно, о чём она сейчас думает? О чём мечтает? Брови поднимет, вытаращит пуговицы, скорчит моську – всё, очарование окончено, а я так и не узнаю, что они только что видели, эти пуговицы. Иногда – редко – они наливаются влагой. Самой настоящей, без хныканья и прочих звуковых эффектов. Это настолько для меня тяжёлое зрелище, что я стараюсь как можно реже провоцировать ситуации. У меня пока получается.

Они очень ... чистые. Хотелось бы сказать «невинные», но там, в этих пуговицах, так и плещется иной раз или искристое любопытство, или такие хитрющие бесенята, что никакой невинностью там и не пахнет! Ах, какие они бывают честные, эти пуговицы! Они сами за себя говорят – мы честны! как никто! как никогда! И невольно начинаешь верить, что, да, в самом деле, ну как обладатель сих пуговиц мог облить сгущёнкой клавиатуру? Или, упаси небеса, стукнуть об пол настенные часы (чисто в исследовательских целях)? Нет, нет и нет. Не может быть.

И ночью эти пуговицы не знают покоя. «Маам!» О небеса, я только начала проваливаться в мягкое забытьё! «Маам!» Щёлкнул выключатель, и голубые пуговицы оказываются у меня прямо перед глазами. «А как ты думаешь, если я сейчас на пол плюну, то до утра высохнет?» Объясняю, что непременно высохнет – если только она не наплюёт лужу. Но, что-

бы наплевать целую лужу, нужно стараться до утра, и тогда уж точно ничего там не высохнет! Пуговицы смотрят очень внимательно и серьёзно, и, кажется, в этот раз я точно знаю, что они видят! Снова щёлкнул выключатель, стало темно, и на моей сетчатке отпечатывается именно это – две голубые круглые пуговицы на сосредоточенной мордахе.

...Мы смотрим фотографии. Там молодой мужчина прижимает к себе, держит на руках маленькую пухлощёкую девочку. Вот они целуются, вот сидят на ступеньках вокзала, а вот он её щекочет, и видно, что обоим это доставляет несказанное удовольствие, и им дела нет до целого мира! Мелькают фотографии. В комнате очень тихо.

– Мам, а он меня видит?

– Конечно, видит, милая.

– Даже когда я капризничаю?

– Даже тогда.

– А он меня любит?

Конечно, любит, глупыш. Он не хотел же нас оставлять, совсем не хотел. Бог знает, где он сейчас, видит ли нас, знает ли, что у нас с тобой происходит? Слава тебе, безысходная боль!..

Голубые пуговицы удивительно печальны, совсем повзрослому.

– Правда?

Она всё время переспрашивает, ей необходимо убедиться, что она не ослышалась, а я не оговорила. Нет, она не

будет плакать, ведь она его знала всего три года. А я – пять, немногим больше. Но и я не буду плакать – когда пуговицы смотрят на меня плачущую, они становятся растерянными и серыми от непонимания и жалости. Я потом, потом, глубокой ночью, когда они будут видеть сны и не будут видеть меня.

Тогда я пожалуюсь – ну что вот с ней будешь делать? Что мне вообще делать? А он, как всегда, меня не услышит. Или просто не ответит. Будет весело улыбаться с давешней фотографии, счастливо и спокойно, держа на руках дочку, а я – рядом, ещё ничего не зная о том, как изменится моя жизнь и оттого тоже спокойно и счастливо. Тихонько всхлипнула, обернулась. Нет, беспокойный обладатель пуговиц сладко спит, сложив губки бантиком и совершенно не по-детски похрапывая.

А с монитора на меня смотрят те же пуговицы. Только серые, совсем-совсем не голубые.

День Рождения

Хотела начать банально, с одного-единственного слова – ночь. Пожалуй, так я и сделаю. Итак, ночь. Я стою на балконе, пью ночной осенний острый и пряный воздух, люблюсь на леденцовые бусы фонарей. Потягиваюсь, сладко, с попискиванием, разминая уставшее тело после многочасового сидения за плоским экраном, дочка уже не первый день засы-

падет под тихое стаккато клавиш. Сажусь на пол, покрытый ковриком, шарю вслепую по подоконнику – добываю спички, и закурываю. И как-то незаметно окунаюсь в воспоминания трёхгодичной давности.

Дочке – четыре года. Ах, какая она у меня уже большая. Мои подруги сегодня собрались поздравлять нас, петь «Каравай» и дарить подарки. Собственно, всё это уже произошло – подарки вручены, хоровод отплясан, изрядно ошипанные и потрёпанные ушки горят маками, четыре свечи задуты, и уже сказано заветное желание шёпотом. Сейчас, утомлённая праздником, дочка спит, трогательно подложив под щёку ручонку.

Теперь мы, три взрослые девочки, имеем полное право выпить что-то покрепче чая. Разливаю мартини, достаю лёд, лимон, оливки. Катюшка ловко кромсает тонюсенькими ломтиками сыр. Всё, сели.

– Девочки, давайте за здоровье. Пусть наша детка растёт умненькой и здоровенькой!

– Спасибо, родные. Я... Ну, спасибо, в общем.

– А давайте... За человека, без которого не получилась бы такая замечательная детка!

Я не сумела сдержаться, запрокинула голову, не давая слезам стечь. Рана ещё свежа, ох, свежа! Год без трёх дней после его гибели прошёл, Женькиного папы. Всего год, а мне кажется – сорок лет! Машу девчонкам рукой, мол, всё в порядке, и они быстро и виновато украдкой переглядываются.

– А давайте!

Начинаем реветь. Одинаково поднимаем бокалы к его фотографии, стоящей на полке с книгами, пьём не чокаясь.

Но всё же разговор сворачивает с больной темы. Спустя сколько-то времени начинается обычный бабский трёп обо всём и ни о чём одновременно. И...

– Девочки, послезавтра со мной по магазинам кто-нибудь пойдёт? Я совсем исхудала. Даже бельё не впору, ужас, не знаю, что надевать...

Замолкаю на полуслове, словно ушибленная. Девчонки меня тормозят, испуганно щебечут, суют в руки бокал с мартини.

Фокусирую взгляд. Я не пьяна ни капли – льда я кладу втрое больше налитого. Да и обильный ужин тоже не способствует быстрому опьянению.

– Знаете, что я загадала на падающую звезду? Хочу похудеть на 15 килограмм. Быстро. Мне только метод не понравился...

Потрясённо молчу. Неужели это я сама? Сама?! Я так истово, искренне, горячо просила эту звезду того, что казалось мне самым важным! Самым нужным! Самым неисполнимым!

...Выныриваю из воспоминаний. Оказывается, по щекам давно текут слёзы. Совсем заледенели. Удивляюсь – ну чего это я? Давно зажило всё. Ледяные струйки воздуха в последний раз лизнули мои пятки и я захлопываю балконную

дверь. Иду в ванную, умываюсь, попутно разглядывая лицо в зеркале. Корчу гримасы, поднимаю бровь, надуваю щёки. Тьфу, глупость какая! Улыбаюсь себе.

Сажусь обратно. Стул ещё тёплый, руки сразу удобно и привычно ложатся на клавиатуру. Открываю документ «Дневник. Заметки.» Давно не писала, сегодня можно. И первое, на что натывается взгляд, это запись полуторамесячной давности – «Я так хочу похудеть!»

В деревне

Сейчас мы в деревне, у бабушки. Деревня так интересно устроена – деревень на самом деле две. В одной – клуб, больница и школа. Во второй – детский сад. Мы живём у детского сада. Между ними – два километра с гаком, да лесом. И вот пошли мы из одной в другую, в магазин по булочки. Потому что в том магазине, что находится в «нашей» деревне, ничего нет, кроме запаха застарелого лука и конфет с червяками. Ах нет же, есть ещё печенье, обгрызенное мышами. Ну, хоть мыши довольны! Ни сигарет, ни хлеба, ни молока, ни-че-го. И вот мы пошли мы.

Так вот, идём мы себе по дороге, радуемся солнышку и тёплому летнему дню. А, кстати сказать, Женя боится животных. Коров, в частности. Это генетическая память, я же их сама до ужаса боюсь. Коров, собак, лошадей. Забодают, укусят, затопчут. А между тем коровы-то нас нисколько не

бояться, и по своей коровьей привычке гуляют где им вздумается. В том числе и по дороге. По той самой дороге, по которой мы с Жекой довольно бодро шагаем.

И вот проходим мы мимо них, обливаясь потом ужаса и смотря прямо перед собой. словно два храбрых поневоле полководца, которым край делов нужно идти в наступление, потому что сзади пожар, а по бокам обрыв. Но вот дорога сделала крутой поворот, и коров стало не видно. Однако дочь поминутно оборачивается – не видать ли там коварных коров? Не преследуют ли они нас, чтобы подло забодать в тот момент, когда мы этого совсем не ждём? «Мам, там, кажется, рог торчит! Это точно корова!» Пуговицы испуганно тарачатся, выискивая место, где кончаются ветки деревьев и начинаются коровьи рога. Убеждаю её что нет, не может этого быть. Они далеко позади, опасность миновала и можно спокойно продолжать путь. «Нет, она там! Смотри, смотри, вон рог! Это корова!!»

Потом пожимает плечиками и, видя, что корова таки не спешит показываться полностью, говорит задумчиво «Хм, а может быть, олень?..» Ну, вроде, не так уж всё и страшно на самом деле. Может, она просто ошиблась, и это всего лишь маленький безобидный олень, а не страшная корова! Спасибо, не медведь, кои в тех деревнях тоже водятся. А обратно шли, жевали бублики и напрочь позабыли о страшных страхах. Уж больно бублики вкусные были!

После написанного: а ещё в деревне есть козы. Женя,

в первый раз увидев издали рогатых, трогательно прижала сложенные ладошки к груди и восторженно прошептала «Ой! ЗАЙЧИКИ!» Это, конечно, надо было просто слышать, интонацию на бумаге не передать. На что я потом полдороги думала – ну, это прям как с мужиками. Думаешь: ах, зайчик! А подходишь – ан нет, козёл, однако. Печаль какая, надо же.

Приколы

-Мама, а хочешь – приколом расскажу?

Так начинается одна из дочкиных любимых игр. Терпеть её не могу! Игру, конечно, не дочку. За этими словами часто следует длинный бессвязный рассказ обо всякой ерунде. На пятом предложении я начинаю позёвывать, на восьмом – дремать. На десятом – получаю ощутимый тычок в бок и возглас:

– Мама, ну не спи!

Иногда я начинаю хохотать прямо посередине «прикола» – до того смешно! Этакое попури из того, что показывали только что по телевизору, что сейчас происходит за окном и какой-нибудь мимолётной мысли! При этом она жутко обижается и ворчит –

– Это ещё не весь приколом!..

Итак, сегодняшней «приколом». По телевизору идёт «Ералаш», та серия, где дед сидит с внуком на мосту, и удит рыбу. И просит внучка принести то кашу, то ещё какую-то припа-

сѐнную рыбью еду. Ну, не суть. Собственно, прикол. А надо сказать – мы сейчас валяемся на диване, я читаю книжку, вполглаза смотрю в телевизор, а Жека грызѐт ноготь мизинца и болтает ногами в воздухе.

– Вот. Сидит, значит, мужик. Ну, вот такой же. Старый, что ли? Ну, вот как наш дедушка. Который дедушка-голубчик.

Выразительно крутит пальцем у виска, видимо, не имея больше в запасе жестов выразить дедушкин возраст.

– Ну, старый такой же. Лет, наверное, триста ему. Или тридцать пять. Или вот ещё – пятьдесят шесть.

Я уже не думаю про возраст пресловутого мужика, я уже ясно представляю именно нашего дедушку-голубчика. Страшного матерщинника и балагура. Тем более его за рыбалкой представить себе очень легко – он и рыбак, и охотник, и вообще на все руки мастер. И ему пятьдесят один, к слову. Да, а голубчик – это из стихотворения «Дедушка, голубчик, сделай нам свисток...», который папа неизменно декламирует, когда к нему подходишь с просьбой. Так и привязалось.

– Вооот! – болтает ногами, одновременно ковыряется в носу. Достает козявку, внимательно разглядывает, вертя пальцем то так, то эдак. – Короче, ему было триста пятьдесят шесть двадцать лет. А на крючке у него червяк. Вот такой! – пальчики разводит в стороны, показывая размер червяка. Посчитав размер незначительным, разводит уже ладошки.

– Вот такой ширины он был, вот такой высоты, – складывает пальцы колечком – и вот такой ужины.

– А длины? – мне уже интересно.

– А, длины-то... Ну, вот смотри – как вот от шкафа и до... Урманного примерно.

Всё, для меня на этом прикол кончился – я начинаю бессовестно ржать. Урманный – деревня, откуда она недавно вернулась. У бабушки гостила, если можно назвать таким простеньким словом четырёхмесячное пребывание с некоторым перерывом на отпуск. Двести километров от нашего города. Улыбается – прикол не в этом, но, кажется, удался!

... Жека читает. Читает с упоением человека, научившегося чему-то новому, читает всё, что написано: бегущую строку по телевизору, рекламный плакат в автобусе, и очень хорошо, что на городских заборах нет надписей! Особенно у неё хорошо получается читать рекламу – не знаю, что за странное пристрастие! Я читаю газету, она устроилась у меня на животе. Читает с оборота, по складам, совершенно не расставляя ни ударений, не меняя интонации.

– Не-де-лай-те-при-во-рот... Два-шага-до-сча-стья...

Я не могу толком понять, про *что* именно она сейчас читает – с первого раза у неё плохо получается расставить паузы. Поэтому автоматически переключаю внимание, и совершенно не понимаю – о чём я читаю сама. Начинаю раздражаться.

– Жендос, отвянь. Ну, отстань же! Ну я читаю же!

Начинает меня передразнивать, коверкать язык, приста-
вать, лизать в щёку – знает, терпеть этого не могу! И тут же:
– Мамочка, а хочешь прикол расскажу?..

Реклама

Жека обожает «делать рекламу». Делает это как настоя-
щий профессионал – с моим телефоном в руках, всё запи-
сывает на камеру. Рекламирует всё – от пачки сока, стояще-
го на комодe и заканчивая кнопочками на телевизоре. Прав-
да, при этом у неё становится противный голос, видимо, она
подражает тётеньке-диктору.

– Это замечательный сок. Питание детей от трёх лет. От
трёх детей. Вот такие тут абрикосы. Жёлтые-прежёлтые. А
сейчас у нас большой праздник с пауками! (поёт) Вот мама,
вот компьютер, вот колонка, вот пальчики, вот...

Замялась. Слово в рифму никак не подберёт. Рифма – это
важно! А мне что-то сока захотелось. Абрикосового.

– Вот черника, абрикос, вот и мама, мамин нос. Фотогра-
фия, часы... – это песня. Рекламная длинная пауза.

– Вот кнопочки. Кто не видел, подойдите поближе... – со-
средоточенно бормочет, приближая телефон на максималь-
ное расстояние к тем кнопочкам. Мне тоже интересно, я
оглядываюсь.

Потом все записи безжалостно уничтожаются. Жаль, я
иногда эту ересь слушаю с преогромным удовольствием. Па-

рочка была на старом телефоне, но что-то мне подсказывает – после того, как я отдала телефон брату, они утеряны безвозвратно. Много позже меня посетила гениальная в своей простоте мысль – надо было сначала скинуть все записи в этот телефон, или в компьютер даже, а уж потом отдавать! Но, увы, уже давно поздно.

А ещё мне кажется, что у нас похожи голоса. В записи, по крайней мере. Но это у нас семейное – когда дома звонит телефон, никто никогда не угадает, кто взял трубку – я, мама или мой младший брат. А теперь ещё и Женя.

Не менее ей любим диктофон. Она записывает всё. В принципе, для неё одинаково – что камера, что диктофон. Только если она рассказывает про пальчики – в камере, естественно, она может их показать. Песни! Ох, как жаль, что я не отличаюсь хорошей памятью на её песни! С рифмой там точно всё в порядке, иногда замечательно для этого служит универсальное слово «вить-вить».

– Яаа красивая вить-вить, я умею песни пить, ииии ни разу не пролить, аааабрикосовый... запнулась. «Сок» – совершенно не в рифму, опять спасает прекрасное в своей универсальности слово. Хорошо бы и мне занять такое волшебное слово, чтобы всегда в рифму было! Универсальный ответ на все вопросы. Но увы, для взрослых это чаще всего унылое «угу». Беда прямо.

Королевский наряд

Пока я печатаю свои опусы, Жека меня может не только причёсывать, но и всячески украшать. Да, иногда я чувствую себя новогодней ёлкой. А сейчас мне не только прицепили пару заколок и намазали губы какой-то пахучей дрянью (уж не блеск ли?), всё ещё серьёзнее, чем я думала – из меня делают королеву. Нитка синих бус, розовый матерчатый ободок, её любимое болеро с пуховой отделкой и пластмассовое кольцо на среднем пальце.

– Так, вот эту зюзюкалку мы уберём... И на узел... На два... Королева, вы такая красивая... Королева, очнитесь.

Я приобретаю всё более смелый и фантастический вид. Она разговаривает со мной тоненьким голоском, ласково-ласково, как с умственно отсталой мамой. Крайне умственно отсталой!

– Так, чтобы вот тут попochку прикрывало... И красненькое – это моя майка. Натягивает её пониже. Правда, я так и не понимаю, в чём тут красота, ну да юной фрейлине виднее. Наконец эта пытка мне надоедает.

– Так, всё, я пошла курить.

Пытаюсь отцепить от себя всю эту сбрую, а на мне, оказывается, висит ещё и пара бумажек, заткнутых на лямки майки, салфетка, прицепленная к волосам теми же заколками – как я её умудрилась не почувствовать? Ещё какая-то дрянь на прищепках...

Вот не завидую-то я королевам! Сначала наряжают по

полтора часа – я обошлась двадцатью минутами – а потом ещё и покурить не выйди! А потом по новой. Да, кстати, о королевах – юная визажистка теперь занимается вообще самым любимым занятием, Карлсон назвал бы это «курощением». О небеса, она пытается меня поцеловать везде где дотянется. И в «попочку» тоже. Бедные, бедные королевы! Им, наверное, ещё тяжелее чем мне! То наряжают, то пытаются поцеловать. И всё норовят в «попочку». Кручусь, пытаюсь вывернуться, отогнать её как-то. Она на пару минут успокаивается, потом начинает с новой силой. Мне смешно, поэтому уговоры специально отрететированным строгим голосом типа «Женя, ты сейчас получишь по попе, если не отстанешь» не действуют. Куда там, курощение в самом разгаре!

– Подождите, королева, ну куда же вы? После курения я вас снова наряжу, и вы будете ещё прекраснее. А пока я почию ящики.

Это у нас с комодом нелады.

Бросила – сломанный комод дело трудное и вообще невыполнимое. Прыгнула на диван, устроилась поудобнее. Лампа выключена из розетки, шнур болтается. Щёлкает выключателем.

–Мам, а кто из нас коза – ты или я? – щёлк-щёлк. – Мамочка, скажи же я фотографировалась с носорогом? – щёлк-щёлк – И заходила в клетку к кроликам. И убирала за ними говно!

О господи, Женя! Терпеть не могу, ухо режет! Однако

мне смешно. Воспитательный процесс идёт насмарку, смеюсь: так нелепо звучит грубое словечко в её исполнении, причём очень серьёзно!

– Мама, жизнь плоха! – щёлк-щёлк.

– Почему плоха, котёнок?

– Шоколада нет! – щёлк-щёлк!

Жизнь вообще несправедлива, доченька. Нам жить негде. Но этого я, конечно, не говорю вслух.

Макияж

Я редко слушаю её трёп. Стараюсь не вслушиваться. Я от дочки отвыкла, пока жила без неё. И даже иногда с трудом подавляю раздражение. Такое впечатление, что она постоянно проверяет меня на прочность, хотя на самом деле она – это всего лишь она, и все эти проверки и прочее существуют только в моей голове. А на самом деле я на самом деле от неё отвыкла, и чувство вины за эту кукушечность выливается таким вот раздражением, усугубляя всё дальше. Когда я ловлю себя на этой непростой мысли, раздражение утихает, но тут уже чрезвычайно просто скатиться во вседозволенность. Поэтому я постоянно балансирую на краю – недолюбила, кукушка эдакая, или избаловала? Ой, как серьёзно получилось! Так вот. Жека, манерно надувая губки и гримасничая перед зеркалом, протягивает:

– Я сейчас причешусь, и пойду гулять с кое-кем. Ты его

не знаешь. Не с Кузнецовым, нет. Мам, а можно я накрасюсь твоей косметичкой?

– Можно.

– Что, правда? Что, прямо можно? – крайне изумлённый взгляд, она недоверчиво заглядывает мне в лицо. Известно, нет ничего привлекательнее, желаннее и запретнее, чем мамина косметичка!

– Угу, можно.

Для верности я даже киваю головой. Взвизнув, Куропатка набрасывается на чёрную матерчатую сумочку с моим барахлом. Я прикрываю глаза, однако ж назад пути нет – сама разрешила. Терпи, голубушка!

Красится. Сосредоточенно водит пуховкой по векам, сопит, ругается.

– Какая я некрасивая... Фу, как отвратительно у меня глаза смотрят... – с удовольствием любит себя в маленькое зеркальце. Нарисовала две чёрные жирные стрелки на веках. Расстроилась, смотрю. Ага, поняла, что такое – карандаш для глаз? И что им тоже нужно уметь пользоваться? Я её научу, но попозже. Чтобы не было синих теней и прочих ужасов. Хотя... Наверное, косметику начну ей покупать лет с пятнадцати. У неё голубые глаза, им всё пойдёт. Ушла умываться. Хороший карандаш, я знаю, не смывается!

Снова смотрит на себя в зеркало – это действительно страшненько выглядит: чёрно-серые круги вокруг глаз. Этакий маленький уставший вампир. Не отмыла, расстроилась,

бедняжка. Я втихаря злорадствую – не мама, а ехидна. То-то же, мамин карандаш брать!

– Не буду больше карандашом пользоваться... Мама, какой тебе уже не нужен тушь? Какой ты мне отдашь? Жёлтый? Ура, у меня теперь будет жёлтый тушь! Мамочка, я теперь карандашом буду только под твоим присмотром краситься!

Ах ты, подлиза! Улыбаюсь.

– Мамочка, а какие тени тебе не нужны?..

Ну уж нет! Тени мне подобрать себе очень сложно, и за здорово живёшь отдавать их малолетней пигалице у меня нет никакого желания! Они всё равно будут безжалостно истыканы «ненужной» кисточкой, нет, нет, и нет!

– Мамочка, а у тебя есть помада?

Хм, аппетиты растут с каждой секундой. Я вообще-то не пользуюсь помадой, и сейчас меня это спасает. Есть, правда, парочка блесков, но они надёжно припрятаны в сумочке, и их я тоже не дам. Ещё чего! Блески мне самой нужны. Не дам. Жадина я.

Наконец покрасилась.

– Жек, а ты куда собиралась-то?

Задумывается, и по всему видно, что она давно и накрепко позабыла – куда и с кем собиралась. И меня осеняет. Эта долгая и сложная интрига, с упоминанием Кузнецова, мною не любимого по причине совершеннейшей сопливости, была только лишь для того, чтобы добраться до заветной чёрной сумочки с баночками, кисточками и «жёлтым тушем»! Что

ж, женщина растёт. Истинная.

В автобусе

Едем домой в автобусе. Я с работы, Жека от бабушки, обе порядком устали. Ну, я-то точно, а вот откуда этот ребёнок черпает энергию, я не знаю. Впрочем, как и все дети. так вот, едем в автобусе. Как мы называем его на работе – «звездолёт». Бог его знает, почему. Разговор, что наши некоторые сотрудники прилетели с Альфа-Центавра – помню. А почему автобус – именно звездолёт, не помню. Я сегодня устала, как ломовая лошадь, которую весь день заставляли пахать, а потом вместо положенной порции овса дали хорошего пинка под костлявый зад и отправили в стойло без ужина. А до стойла – пять вёрст. Вроде весь день сидела, а присесть всё равно тянет. Жека спокойно одна сидеть не хочет, и меня это почему-то раздражает. Хотя после напряжённого рабочего дня раздражает буквально всё (даже то, над чем я в обычные дни могу просто улыбнуться).

Так вот. Освободилось два места рядом, в самом конце салона, мы и сели. Напротив расположилась парочка, он и она. Два лица явно казахской национальности. Оба такие улыбочивые. Она с миленькими ямочками на щеках, он... Ну, казах, в общем. Зубки домиком, бровки щёткой, глазки хитрые. Сидят, по-своему щебечут между собой.

Женя от скуки сначала рисовала на окне. «Это одна па-

лочка» Чирк! «Это два палочка. Это три. А это ноль палочек! А теперь...» Чирк! «Это плюстик. Крестик. Нолик. Нолик-полик». Когда это дело ей наскучило – вернее, когда просто не осталось чистого места на стекле в зоне досягаемости пальчиков, она начала разглядывать окружающих.

«Мам, а почему тётя так громко жвачку жуёт?» Ой, Жень, ну откуда я знаю? Она, наверное, просто плохо воспитана. «Ааа, мама её не научила, что чавкать неприлично!» Верно, малыш. «Мам, а откуда у тёти с сумкой много сдачи?» Утром выдали, солнышко. «Мам, а возьми меня на ручки!» Да Женья, блин! Сиди спокойно! Но заставить пятилетнюю девочку сидеть спокойно – это всё равно, что просить ветер перестать дуть.

Оп, заметила, что разговаривают непонятно! Ей становится жутко любопытно, это видно даже по кончику носа, который, кажется, даже немножко вытянулся в сторону парочки. Наклоняется ко мне, пуговицы заинтересованно блестят, косят в сторону соседей, шёпот жарко щекочет моё ухо: «Мам, а к нам *из Турции много китайцев приехало?*»

Фыркаю так громко, что парочка тоже обращает на нас внимание. И нет сил объяснить, что из Турции, может, к нам не приехало вообще ни одного китайца. И придумать-то навскидку ужасно трудно, зачем, во-первых, потащило глупого китайца в Турцию, чего ему дома не сиделось, да ещё, судя по вопросу, не одного; а во-вторых, из Турции – к нам, в Россию. Многострадальные китайцы!

Игрища

Наши игры – это отдельная тема. Самая простенькая – в самолёт. Я лежу на диване, она подходит и ложится животом мне на пятки. А я её поднимаю. Вот тут начинается самое интересное в этой игре – Жека расставляет руки в стороны и гудит. Самолёт же! При этом ей ужасно смешно и гудёж получается каким-то натужным, перемежаемый фырканием. Как будто у самолёта на полпути закончилось топливо и теперь ему нужно как-то долететь. Причём остатки топлива летят мне в лицо, а увернуться нет никакой возможности – самолёт окончательно потеряет равновесие и свалится, теряя тапки и крича, что, кажется, всё пропало, и мы все сейчас разобьёмся. При этом самолёт может ещё и слегка пукнуть, и от этого веселье приобретает совсем немислимые размеры, и сразу начинаются вариации на тему, что если она не полетит – она может в любой момент поехать. Весело!

Вообще, играть с ней во всё интересно. Но опасно для неподготовленной психики. Мой друг Витя однажды играл с ней в подкидного дурака. А я с самого начала знала, кто тут дурак, потому что Витя то и дело вскрикивал – да что за чёрт, в колоде двадцать три карты! Женя, откуда тут три восьмёрки пик?! Мужчина, что с него взять. Проиграл, конечно.

Ещё одна чудесная игра называется «Заткнуть маме рот,

пока она не сказала «спать». Ооо, эта игра, как ни странно, мне самой ужасно нравится! «Мама, а почитай мне книжку!» «Спать!» «Мама, а спой мне песенку!» «Спать!» «Мама, а почеси мне спинку!» «Спавввв»... Я проиграла! Довольно хохочет, пуговицы сверкают, получилось-таки! «Мам, ааа...» Пока не может придумать, чего бы такого сказать, но ладошки уже наготове; и совершенно неважно, чего просить, главное – успеть мне вовремя зажать рот. Потом, когда список нужных и важных передсонных дел перечислен, Жека начинает выдумывать всякую ерунду, и мне иногда гораздо интереснее эти необычные, прямо скажем, просьбы, чем успеть отвернуться и произнести заветное слово. «Мам, можно мне залезть на стол? Мам, а можно выпрыгнуть в окно? Мам, а сделай мне торт! Мам, можно я залезу в шкаф?»

Есть у нас ещё одна интеллектуальная игра. Тоже ей ужасно нравится. Называется она «нисоциации». Я не понимаю эту игру, мне она кажется слишком простой. Но с подвохом. Или очень сложной, но опять же с каким-то вторым дном, что ли. Как кубик Рубика – вот кубик, вот грани. Но если попытаться провести какую-то зависимость расположения цветных квадратиков на каждой стороне от каждого поворота кубика... Голову сломать можно. Долго и бессмысленно. Женя иногда говорит наоборот. То есть если я говорю «день», она отвечает – «ночь». В этом случае игра мне быстро наскучивает. А иной раз интересно. Я – «коврик», она – «грязь». «Солнце» – «пыль». Иногда она мне объясня-

ет то, что я сразу понять не в силах. Ну как связаны солнце и пыль? Солнце – это же тепло, лето, жара, загар, ожог, в конце концов! «Нет, ну когда солнышко в окошко светит, там же видно маленькие такие пылинки!» Нет, не люблю я эту игру. Я в ней какая-то глупая.

И ещё одна, которая меня раздражает до невозможности время от времени! Самая серьёзная из всех наших игр. Итог зависит от моего настроения: могу обидеться, могу рассмеяться, могу отругать. Это игра в маленького манипулятора и послушную маму. Ключевое слово здесь «дурочка». Неважно, к какому событию его можно отнести, главное – вставить в вопрос. «Женя, ешь рис». «Не хочу, я уже наелась». Заглядываю в тарелку, ну конечно! В тарелке не съедено и половины. Одна хитрая весёлая голубая пуговица косит на меня – что-то мама сейчас скажет? Заставит доесть? Тогда есть отличная возможность поломаться, дать себя поуготоваривать, покормиться с ложки. И в то же время с осторожностью – мама может быть в неважнецком настроении и утащить всю тарелку с рисом (а плов – её любимое блюдо, надо сказать) обратно на кухню. И тогда ни зёрнышка уже не съесть, потому что противная мама скажет «Надо было есть, когда перед тобой стояло!» Независимо болтает ногами. Я тяжело вздыхаю (тоже один из способов манипуляции, если погромче и поглубже) «Наелась и хорошо». Однако, хоть с настроением и нет никаких особенных проблем, тарелку оставляю перед ней. Как и право выбора – хочешь ешь, не хочешь – убирай.

Ложусь обратно на диван, закрываюсь газетой, жду реакции. Но в то же время понимаю, что она и вправду наелась, но из вежливости может ещё пару ложек проглотить. Она тоже в раздумьях, притихла – то ли отказаться, то ли и впрямь съесть ещё немножко. Подходит ко мне, заглядывает за газету – «Мне доедать?» Отвечаю – ну как хочешь. «Ты что думаешь, что я такая дурочка, не ем, потому что невкусно?» И голосок задрожал. Вот тут уже куча вариантов, описанных выше. Поди разберись, кто тут кем манипулирует! «Ты что, думаешь, что я такая дурочка? Я такая дурочка, ничего не умею! Я дурочка, потому что у меня не получается!» Она дурочка даже потому, что она некрасивая! «Я такая дурочка, некрасивая, меня никто даже не любит!» Пугаюсь ужасно этих фраз, мне сразу кажется, что я ребёнка недолюбливаю, нужно срочно долюбить!

А вообще-то с ней играть интересно. Правил-то – ни единого.

Уехала

Жека уехала к бабушке в гости. Через две недели я тоже туда приеду, будет Новый год, подарки под ёлкой и море веселья. А пока – она уехала. Стыдно признаться, но я даже ждала, когда же она уедет, оправдывая себя тем, что там ей, конечно, будет лучше – будут утренники, будут родственники, закадычная подружка Верочка. А тут я гулять с ней

не хожу, ну, редко в последнее время, документы опять же, оформление ипотеки и беготня, и сессия так некстати (а когда, скажите мне, что-то вообще бывает кстати?), и никакого распорядка дня и регулярного приёма каши. Худо-бедно я себя оправдала. И вот она мне уже звонит, деловым голосом сообщает, что сейчас она ужасно занята, и вообще перезвонит вечером, чтобы не пропустить ежевечерний сеанс почитания книжки.

И вот она – свобода! Можно после работы идти сразу домой, а не сначала за ней на другой конец города. Можно даже пешком! Можно утром поспать на полчаса дольше, потому что сама я завтракаю на работе, и дома готовить не нужно. Можно даже остаться у кого-нибудь ночевать, и полночи проболтать обо всякой ерунде и потом спать до обеда! Можно смотреть фильмы, которые не удаётся посмотреть даже одним глазком, потому что у нас вечные мультики. Можно дописать, наконец, сказку, начатую два года назад и до сих пор неоконченную, потому что редко меня пускают за компьютер, да и то крайне ненадолго.

Но... неохота. В выходные вместо бассейна – можно не плескаться в лягушатнике по колёно! – тупо валяюсь на диване, жду её звонка. В гости не хочу. Читать не хочу. Фильмы, которые хотела посмотреть, кажутся полной ерундой. Готовить неохота. Сама я как-нибудь обойдусь бутербродами с чаем. На улицу выйти тоже лень. Утром встаю точно так же, и точно так же успеваю впритык.

Спать не могу вообще. На меня никто не сваливает конечности, не шипит среди ночи «Отдай одеяло, а то я замёрзну!» и тебе некому шикнуть в ответ «Ну-ка быстро спать, кому сказала! Мне завтра на работу, а тебе, между прочим, к бабушке!» Некому тебе тридцать пять раз принести водички, пожелать спокойной ночи, восемь раз пописать, сорок раз поцеловаться. Никто нагло не задирает пижаму со словами «Погладь меня по пузику!» и теперь тебе тупо некуда девать руки. И перед сном уже сама себе тихонько вслух читаешь очередную главу «Пеппи Длинныйчулок», потому что она не позвонила. А когда сама звонишь, мама говорит, что детка давно уже спит. Нагулялась, поужинала и спит. Не беспокойся, всё в порядке. Да я знаю, мам. А утром никто не требует бутербродов с расплавленным сыром, плача, что за пятнадцать минут езды до бабушки она, если сейчас не поест, просто скончается голодной смертью. И вообще, чтобы меня такую терпеть, ей уже просто медаль положена и золотой памятник в центре города, заморила с самого утра голодом несчастного ребёнка.

Нет, это всё снова будет – мы приедем от бабушки и всё, как говорится, вернётся на круги своя. Я опять утром буду раздражаться, говорить: «Женя, блин! Ты вчера пообещала – смотришь мультики до полночи, спишь подольше и остаёшься без завтрака!» И ругаясь про себя нехорошим словом, бегу на кухню, потому что без бутербродов она не сдвинется. Опять буду выпрашивать «Отпусти меня на часок в гости, а

я тебе пароль на компьютере скажу!» И опять ночью гладить по соломенным волосёнкам спящего ангела, про себя благодаря Господа, что у меня есть дочь, и что она здорова, и умница, и вообще у меня в жизни всё хорошо. Но это потом. А пока я лежу без сна и хочу плакать от своей ненужности.

Кто он?

Идём домой. Холодно, морозы на Крещение нынче радуют. А то зима – не зима, в декабре плюс два было! Я очень радуюсь морозу. И солнцу, и чудесному дню. Но сейчас вечер. Леденцы фонарей, бусы гирлянд вдоль проводов. Ледяные фигурки, горка, ёлка – всё мягко светится в огнях вечернего города. Мы идём мимо площади Свободы. Чистенький белый храм. Он отдельно подсвечен голубыми, фиолетовыми и жёлтыми огоньками снизу. Красиво. Не знаю, почему, но когда в воскресенье звонят колокола свою нехитрую мелодию, мне хочется плакать.

– Мам, а кто тут живет? Это же дворец, да?

– Тут живёт Бог.

– Но он же в царстве живёт! А это дом! Он и там и тут что ли живёт?

Теряюсь. Я не знаю, что ей отвечать. Пускаюсь в пространные объяснения. Нечаянно говорю, что Он живёт в душе.

– Вот тут, что ли?

Тычет себя обледеневшей варежкой куда-то пониже под-

бородка. У нас там «душонка», да. Пуговицы смотрят на меня недоумённо, они не в силах понять, что там, в душе, есть что-то такое, про что она не знает. В её собственной душе! Я не могу, я не знаю, я не умею объяснить дочке, кто Он! Говорю, что Он создал первых людей на земле, всё живое. Что Он нас всех любит.

– А за что Он меня любит? Я же капризничаю!

Я уже не рада, что завела этот разговор. Начинаю раздражаться, как все взрослые, которые думают, что всё знают, а на самые простые вопросы ответить не могут.

– Да ни за что, просто так. Потому что ты есть на этом свете. Потому что ты – это ты.

Глубоко задумывается. В пуговицах мелькают снежинки мыслей. Она так крепко думает, что даже остановилась. Нетерпеливо дёргаю её за рукав – пошли, чего стоять-то? Холодно. Зима, блин. Пошла, примерный ответ найден.

– Как ты, да?..

Куда мне до Него! Но...

– Да, Джейн, как я.

Турция

Турция. Это, конечно, отдельная тема. Про то, как мы в первый раз отдыхали за границей и на море, я могу говорить много и долго. Тем более, я, равно как и моя дочь, увидела и за границу, и пресловутое море в первый раз. В жизни. Вжи-

вую, так сказать.

Ладно, отдельный эпизод. Мы пришли с пляжа, сидим за столиком на улице. Лобби-бар, или как это у них там называется. В общем, некое пространство на улице, посередине вонючий хлорный бассейн, вокруг которого расположились сумасшедшие отдыхающие. Почему сумасшедшие? Да потому что ни один человек, будучи в здравом уме не может сидеть возле бассейна, когда рядом МОРЕ! Солёное, чистое и прекрасное. Ну, Бог с ними. Ждём ужасно вкусные (и наверняка очень калорийные!) пончики. Они с пылу с жару окунаются в мёд, это удивительно вкусная штука!

Рядом, по территории отеля то есть, совершенно свободно передвигаются кошки. Собаки тоже есть, но их не видно, не слышно. Бродила у нас возле отеля одна – тень отца Гамлета, блин! Белая, лохматая и абсолютно равнодушная ко всем и вся. В глазах у неё было такое выражение... Ну, как будто псина нашла смысл жизни, и делиться этим знанием она не будет, провалитесь вы все с вашим отдыхом. Вот так примерно.

...А она совсем на меня не похожа. «Вылитый отец» – это про неё. Ещё в роддоме, будучи в полубеспамятстве и пребывая в шоке от того, как трудно рожать людей, развернув пелёнку, я сразу заметила папин капризный изгиб губ, залысины рыжих пёрышков и нос картошкой. От меня у дочки только разрез глаз (и то не мой, а бабушкин), родинка на шее и круглая, как мячик, попа. Негусто, прямо скажем. Мало-

вато для идентификации. А я-то так мечтала, что родные и знакомые будут восхищённо восклицать при встрече – Юля, как же она на тебя похожа! Увы (а может, и нет), я слышу прямо противоположное. Те, кто знают её отца, так и говорят – вылитый папа, ну надо же! А те, кто его не знает, восторженно выдыхают – ну совсем на тебя не похожа, ну ни капли! Иногда, внезапно устав от пятисот пятьдесят пятого такого восклицания, я говорю, что это муж в подоле принёс. Нагулял, подлец, ребёночка на стороне.

В курортном посёлке нас знают. Мы часто и долго гуляем, шумно купаемся и не обращаем на остальных никакого внимания. Зато сами привлекаем – будь здоров!

Нас трое. Я, моя дочка и моя подруга. Подруга – жгучая брюнетка с голубыми глазищами, идеальной фигурой и заразительным смехом. Я – пухлая, невысокая, кареглазая. Русые мелированные перья на голове. В общем, из нашей компании я самая незаметная. На моих дам плятятся окружающие, к ним клеятся отдыхающие. Я – за всем этим наблюдаю с превеликим интересом.

К слову сказать, я не очень люблю купаться с дочкой. Не то чтобы совсем, но я люблю поплавать далеко, а не плескаться на мелководье. А они вполне себе нашли общий язык (спасибо, Алесь!) и ходят вместе. Поэтому пока я вялюсь, облитая зелёным оливковым маслом, мои девушки идут в море и там развлекаются по полной. Я лежу, млею на солнце и чувствую себя куском «Краковской» в микроволнов-

ке. Нарушив моё полусонное счастливое состояние, ко мне подходит, вернее, подсаживается мужчина. Лицо заинтересованное, взгляд странно смущённый, и задаёт интересный вопрос: «Девушка, а вот с вами девочка маленькая, скажите, пожалуйста – *она чья дочь?*»

Меня поражает бестактность вопроса, я в раздумьях. Тянет ответить, что украла у соседки. Однако отвечаю вполне вежливо – «А на кого больше похожа?» На что получаю ответ – «Да она как-то одинаково непохожа ни на вас, ни вашу подружку!» Долго, видимо, мучился! Сильно заинтриговал его этот феномен. Интересный способ завязать знакомство, но не прокатывает. Я буркаю в ответ что-то между «отвяжитесь нахрен, как вы меня достали» и «это МОЯ дочка, всего доброго».

В магазине опять же. Я скромно стою в сторонке, Алесья и Женя вовсю развлекаются. Женя учит продавца играть в русские игры, «камень-ножницы-бумага», прятки и прочие, не менее интересные. Алесья ищет пальто с капюшоном из экзотичного пони, попутно перебирая и примеряя продукцию, предложенную навязчивыми черноглазыми продавцами – позапрошлогодние модели, на которые смотреть-то страшно, не то что на себя напяливать! Я же просто наслаждаюсь кратковременной передышкой и поближе придвигаюсь к кондиционеру с живительными прохладными струями. И все как бы при деле.

Продавцы жаждут познакомиться с подругой. Один осо-

бенно назойливый, видимо, не понимая откровенного подругинского стёба, безуспешно пытаюсь выведать имя русской красавицы, пристал к моей дочери: «Скажи, как твою маму зовут?» Скажи да скажи, что ты будешь делать! На что моя умная дочь, не раздумывая, отвечает – «Мама Юля... и мама Алесь!» Что, съел, принц заморский? Молча улыбаюсь, тяну их к выходу.

...Я горжусь ею. Она мужественно выдерживает наши поездки и гуляния по пятидесятиградусной жаре на Памуккале, шатания по храму Николая-Угодника, прогулку на деревянной шатающейся и скрипящей яхте и многочасовые сидения в автобусе, трёп гидов и набеги по магазинам. Мне хочется показать ей как можно больше, потому что в ближайшие несколько лет я не смогу ей показать ничего, кроме ковров, которых она до смерти боится, в деревне, да редких развлечений в аквапарке.

Ибо – школа, первый класс, грядущая ипотека и отменённые льготные отпуска. Грустно.

Так вот, о чём же это я? Ах, да. Жека сидит, ждёт пончиков, одну её за ними не отпустили, и она по мере сил развлекает сама себя. Ну, и меня заодно. «Мам, а как по-английски будет «стакан»? Мам, а как по-английски будет «пить»? Мам, а как по-английски будет «стол»?» Я соответственно называю, с некоторым трудом вспоминая давно забытые слова. Ох, недаром нас натаскивала Светлана Александровна, дай ей Бог здоровья! Каждый урок – четыре оценки. Из них

выводится общая. Попробуй, забудь тут! Читали вслух, играли, смотрели, запоминали. Вот за те три школьных года у меня всё и осталось. А потом была другая школа, а потом ещё одна. И Светланы Александровны больше нигде не случилось. Ага, помню ещё как её пятилетняя дочка подсказывала Игорьку дни недели. В седьмом классе дело было. Или в восьмом? Не суть.

Короче, последнее слово Куропатке особенно понравилось – «тейбл». Оно так удобно и легко легло на язык, что Женя, забыв про следующий вопрос, несколько раз его повторила. Мимо бежал маленький котейка. «О, я назову его Тейбл! Тейбл, Тейбл, Тейбл!» И подманивает его ладошкой, или, мол, сюда. За всеми этими лингвистическими изысканиями нам принесли пончики, коими я и подавилась – от смеха. И, что интересно, котейка вообще как всю жизнь это имя носил – побежал как миленький!

Хм, а придёт ли в Англии кому-нибудь в голову назвать котёнка Стол, только потому что слово красиво звучит?

Юная кокетка

Женя – звезда. В Турции, на отдыхе, где очень много незнакомых людей (а ведь её мир пока очень мал и узок!) она просто купается во внимании окружающих. В том числе и мужчин.

Она ведёт себя, как маленькая кокетка. Флиртует на-

пропалую, капризно надувает губки, заразительно хохочет и стреляет глазками. Просто пройти от столика до барной стойки за стаканом спрайта она не может – она будет идти и пританцовывать, подпевать, размахивать руками и вертеть пятой точкой. В баре всегда играет развесёлая музыка, какие-то прошлогодние хиты.

Её знают бармены, официанты и мальчики на ресепшн, потому что у нас то улетели пластиковые стаканчики, то разбился стеклянный, то не хватило салфеток, то слетел браслет, показывающий нашу отельную принадлежность (упаси небеса забрести на «чужой» пляж и наворовать там солнца!), то ещё что-нибудь. А ещё у неё такая внешность...

Говорят, что южные мужчины любят блондинок. Куропатка светлокожая, волосы уже выгорели под свирепым турецким светилом, и отросли ниже плеч (но отросли-то они ещё дома, конечно), пуговицы голубые на мордахе так и сверкают – ещё бы, столько всего интересного! Поэтому продавцы в магазинчиках, да и просто прохожие пытаются её погладить по волосам, потрогать, и называют «Принцесса». Жека у меня, несмотря на свою коммуникабельность, дамочка дикая – сильно психует, когда с ней пытаются установить тактильный контакт. И вежлива до безумия «Уберите руки от меня... пожалуйста!»

Обедаем. Вот пошла она за сладостями. Терпеть не могу толкаться у этого шведского стола! Как свинки у корыта. А сразу всё не утащить – рук не хватит. Поэтому слад-

кое оставляем на потом, пока просто едим. Жека, как самый малопотребляющий (еду) человек в нашей компании, быстро наелась, и теперь ей срочно нужны эти сладости. Коих выставлено немереное количество, и до которых ещё нужно дойти. А мне неохота. Я вообще-то могу и фруктами обойтись, арбузом, например. Охота просто посидеть, и не спеша, не торопясь, прожёвывать, глотать и... Короче, идти неохота – жуть! Уговариваю немного потерпеть, буквально пару минут. Одну, конечно, не отпускаю. Однако Куропатка упёрлась. Встала и пошла. Ухх, непокорная дочь! Пять минут, десять... Нет и нет. Скрипя зубами, встаю, иду на поиски малолетней сладкоежки.

Картина маслом – Куропатка идёт, мелко перебирая сандаликами, пуговицы такие кроткие, голосок такой вежливый, тошнотворно-сладкий, как шиповниковый сироп. Как будто она меня уговаривает на какую-нибудь невозможную пакость, а я почти согласилась. «Ой, спасибо! Нет-нет, это пирожное я не люблю... Ой, и это тоже, пожалуйста. Спасибо! А это я уже в прошлый раз пробовала...»

Она идёт вдоль длинного стола, уставленного подносами. Рядом идёт здоровенный, загорелый (хм) мужик, тащит блюдо и накладывает на него разнообразные пирожные маленькой блестящей лопаткой. Куропатка росточком пока не вышла – не достаёт она до тех столов. Вот и нашла себе поклонника. Мужик этот променад доставляет несказанное удовольствие, он с абсолютно серьёзным лицом идёт за ней,

только глаза такие... смеющиеся. Подмигивает мне – конечно, он знает, чья это дочь! – я незаметно ретируюсь, дабы не испортить доченьке кайф общения. Это ведь в любом возрасте приятно – когда за тобой ухаживают мужчины!

Северный полюс

– Мам, я пошла.

– Куда, милая?

– На Северный полюс.

– Надолго?

– Нет, на пару дней. Ну, через четыре недели, точнее, вернусь.

– Ааа, ну хорошо. Только кушай вовремя, и смотри, чтобы ножки не мёрзли.

Я валяюсь, как обычно в выходной день, и читаю книжку. Куропатка играет. Поднимаю глаза от книги. Она стоит в своей зимней шапке, в резиновых сапожках, на руках жёлтые варежки, те самые, косенькие, что я как-то вязала и чуть не умерла со смеху. Лицо очень серьёзное, сосредоточенное. Но вот пуговицы... Из них только что искры не сыплются! В руках – розовая сумочка.

– Дай посмотреть, что ты там с собой взяла.

С готовностью прыгает на диван, начинает по очереди доставать «необходимые» на Северном полюсе вещи.

Жестяная плоская, чёрт его знает откуда... Оторвалась от

какой-то коробочки, кажется, с новогодними конфетами, но вещь куда как полезная. Женя в неё будет накладывать снег.

– Вот снег наложу в неё... Вот, ложечкой такой. Это вот мой шарфик. Буду им вот так горло заматывать.

– Куропатка, это вообще-то мой палантин. Вот буквально ещё с утра моим был.

Пуговицы уставились на меня несколько обиженно. Они не ожидали от мамы такой мелочности, надо же. Не понимает глупая мама – кому шарфик нужнее: мне, или ей, отправляющейся аж на Северный полюс! Ладно, дальше.

– Это вот ручка, я ей писать буду. Письмо тебе буду писать.

Достаёт мою ручку, обрывки каких-то бумажек. Видимо, на них предполагается писать мне письма, что у неё всё в полном порядке.

– Это вот ложечка. Я ей снег накладывать буду.

Розовая ложка из куклиного набора, обляпанная то ли кашей, то ли картошкой. Застывшая в камень еда на этом орудии кормления выглядит жутко неаппетитно.

– Жень, зачем ложкой-то? Так, прямо тарелкой и зачерпнёшь!

– Медведей кормить буду.

– Ложкой?! Снегом?!

– Ну да.

Бедные медведи.

Пуговицы уже просто искрятся, но мордаха таки сохраня-

ет серьёзное выражение.

– Это такая палка. Буду ей кого-нибудь колотить.

Это, блин, не палка, это отломанная нога от куклы! Прикрываюсь воротником, дабы не испортить дальнейшие рассуждения откровенным и громким ржачем.

– Жень, ты кого там колотить-то собралась?

– Эмм... Медведей!

– За что их бить-то? Ты ж их, вроде, кормить собралась!

– Ха! А вдруг они на меня как накинутся! Я их зря кормила, получается!

Я начинаю хихикать. Я сдерживаюсь, прикрываюсь, держу рот плотно сжатым, но смех предательски рвётся наружу.

– Это вот кисточка. Буду ей вот так лицо... подметать. Или снег с ботинок. Это ещё кисточка. Это чтобы глаза от туша от... метать.

Показывает, как именно, она будет это делать. Только не всё сразу, Жек!

– Это вот телефон, я тебе позвоню, как доберусь.

– Жень, так это же МОЙ телефон!

– Ну мой-то у бабушки! И на нём денег нет!

Железная логика. Пуговицы недоверчиво смотрят на меня – я серьёзно или притворяюсь? Не понимаю всей серьёзности миссии? Телефона мне жалко, что ли?

Ну, вроде всё, собралась. Затолкала кое-как всё обратно в сумочку, напялила варежки. Пошла в сторону двери. Обернулась, помахала.

– Куропатка, а ты хоть знаешь, где Северный полюс?

Пуговицы сочувственно смотрят на меня, видимо, окончательно сражённые моей тупостью.

– На севере, мам.

Дверь закрывается, я возвращаюсь к перипетиям героев книжки.

Через несколько минут (каких минут – страницу только и прочитала!) она забегает в комнату с криком «Мама, я вернулась! Живая!»

Последнее слово меня окончательно добивает, и я всё-таки начинаю смеяться. Она прыгает ко мне на диван, весело хохочет вместе со мной, дрыгает ногами и машет варежками. При этом резиновый сапожок нечаянно прилетает мне в лоб, но я этого как будто не замечаю. Победителей не судят! Ну всё, говорю. Наконец-то ты вернулась. А теперь – мыть руки и обедать.

...Вот боюсь я её отпускать на Северный полюс. Там страшно, и медведи ходят. И отлично понимаю, что она когда-нибудь уйдёт. Возьмёт с собой много ненужных на мой взгляд вещей, вроде куклиной ноги, но которые ей наверняка пригодятся, и уйдёт. И меня, в общем-то, не спросит. А я буду сидеть и ждать, когда же она придёт и расскажет мне, что там увидела. Ведь у каждого из нас – свой Северный полюс.

Я на своём жить осталась.

Моя бабушка

Ездили мы в Тюмень, к моей бабушке. Женя у меня вообще богата на родственников. Давеча она мне доказывала, что моя бабушка ей тоже бабушка. Потом договорилась до того, что это вообще её бабушка, бо я уже взрослая и в бабушках не нуждаюсь. Она хотела захватить мою личную бабушку в своё пользование! Я, конечно, этого не допустила, отвоевала, так сказать, своё законное право побыть ещё внучкой. По её мнению, внучка – это такая маленькая девочка, которая день-деньской развлекается, ходит с бабушкой на карусели в парк, клянчит у неё мелкие монетки на мороженое, и перед сном даёт заплетать себе косичку. Да, я абсолютно не подхожу ни под один из этих параметров, ни косичек, ни каруселей, да и мелочи сама кому хошь могу дать, но всё же, всё же...

После этого разговора я надолго впала в сладкие воспоминания о моём счастливом детстве, том, когда я ещё была внучкой в полном соответствии с дочкиной теорией.

Помню некоторые моменты, будто картинки. Вот я валяюсь на крыше гаража и ем огромную спелую черёмуху прямо с веток (черёмуха соседская, поэтому в полный рост вставать не рекомендуется). Или играю в палисаднике, усыпанном золотыми листьями берёз, какими веточками и тряпочками, презрев полный ящик игрушек, выволоченный мной из сарая. Веточки были отломаны от веника-голыша, кото-

рым сметали листья с дорожек, а тряпочка была синяя, бог её знает вообще откуда. Кажется, сделанная из старых дедушкиных треников. А вот я на старых качелях, на них нельзя было сильно раскачиваться, потому что могла перевернуться, проверено. Сколько детских секретов ведали те качели! И скрипучую кровать на веранде помню, и звук жарящейся картошки утром, и бархатную скатерть до пола кисельного цвета на одноногом столе, и волшебное место – кладовка. Там чего только не было! Вплоть до старой обуви, аккуратно сложенной в чемодан. Плетёные корзинки, мотки верёвки, стопка перчаток, какие-то тазы, поношенная одежда, ларь с мукой, тканые коврики... Несмотря ни на что, там царил удивительный порядок. Это была просто сокровищница с маленьким пыльным окошком. Я даже запах помню в этой кладовке.

Ныне черёмуха спилена, берёзу в палисаднике свалило ветром, огород зарос. Бабушка уехала в большой город, а дом выставлен на продажу. Там живут другие люди, и... И я начинаю горько плакать – так мне жалко этого старого дома, и нашей бани, где стояла маленькая пластмассовая ванна, в которой купалась ещё моя маленькая мама, и соседской (опять же!) земляники, и того, что никогда этого всего уже не будет. И я там уже никогда не буду.

...Так вот, собственно, о чём я? О бабушках и счастливом и беззаботном детстве «у бабушки». Купили мы в той Тюмени надувной бассейн. Жёлтый, как кусок сыра, и круглый.

Хотя квадратных, кажется, и вовсе нет. В самый разгар лета (а, нужно сказать, лето у нас нынче не менее суровое, чем зима – свирепые +36 в тени на протяжении полутора месяцев) в бассейн бабушкой (Жениной, конечно) загодя наливается водичка из шланга, попутно совершают омоложение все присутствующие поблизости – Кукундия, её подружка, её сестрица, наш кот Кустик, находящийся во временной ссылке, и я до кучи. Всем, кроме нас с Кустиком, нравится. Мы же не в восторге. Я с визгом и рвущимися наружу нехорошими словами бодро скачу в дом, вытирая телефон, а Кустик, гордо подёргивая спиной и тихонько матерясь, уходит в заросли смородины.

Мелкий народ в пискном и хохотом убегает переодеваться – бассейн не допускает наличия лишней одежды. И вот картина маслом – Куропаткина подружка стоит, стыдливо прикрывая то, что впоследствии сформируется (лет эдак через восемь) в один из первичных половых признаков, рядом неуверенно и тоже прикрываясь ладошками стоит двоюродная сестрица Куропатки (обе в купальниках!), Кукундия же выходит танцующей походкой королевы из дому ГОЛАЯ! То есть абсолютно. Совершенно. В первозданном, так сказать, виде.

У девочек становятся огромными глаза, они пытаются объяснить моей самой умной на свете дочери, что ходить голой – плохо и неприлично. А по-моему – в шесть лет это ещё пока вариант нормы. Во всяком случае, в собственном

дворе, скрытом от соседей кудрявыми черёмуховыми кустами и высоченными мальвами-пальмами. Ну, и забором, разумеется. А может, и я ошибаюсь и это ненормально и плохо – ходить голышом в шесть лет. Кукунция, не слушая наставлений маленьких ханжей, с разбегу плюхается в бассейн, и начинает «нырять», плескаться, верещать и совершать ещё кучу всяческих телодвижений, которые и называются одним невыразительным словом «купаться». Тут уж всем стало не до приличий и пошло веселье коромыслом, только радуга во круг сверкала! А я стояла и жестоко завидовала всем троим.

А сегодня мне снился старый бабушкин дом. Я знаю, он тоже по мне скучает.

Кукушкин комплекс

Они ко мне приезжали – мама и дочка. Маме нужно было в больницу, а Жека с ней приехала, потому что остаться было не с кем. Я прилетела с работы домой, и на мне с порога повисло моё чудо – да, она уже большая девочка, но мне нравится таскать её на руках. Мама уехала ночевать к семейным друзьям, а Кукунция осталась со мной. До следующего вечера. Уезжали они около шести, и у нас в распоряжении был целый длинный летний и прекрасный день.

Мы позавтракали и придумали ехать гулять. По дороге, конечно, немножко поссорились, потому что она хотела в детский центр, а мне хотелось шататься по парку и есть мо-

роженое. Сошлись на том, что сделаем и то, и то. По очереди.

В развлекательном центре нас обоиххватило ровно на двадцать минут. Молочного коктейля не оказалось, пепси отдавало водопроводной водичкой, детей было мало. Мы двинули в кино, на «Ледниковый период-4», благо киноцентр был в двух шагах. Купили билеты, и, чтобы как-то убить оставшийся час с небольшим, пошли в парк. А в парке есть такая маленькая развлекательная площадка с каруселями – совсем для малышей. От трёх и до семи лет примерно. Покатавшись на вертолётках, на лебедях и лошадке, Кукунции стало скучно развлекаться одной – я стояла рядом и лопала-таки мороженое – такого вкусного мороженого в бумажных стаканчиках нет нигде в городе. Жмурилась на солнышке, слушала радио и чувствовала, что счастье уже обнимает меня своими тёплыми руками. Так вот, чтобы не я не отсвечивала бессмысленной улыбкой, Куропатка решила развлечь и меня.

Единственный совместный аттракцион для детей и взрослых назывался «Лодочка на волнах». Куда мы, собственно, и направились.

А теперь небольшое лирическое отступление – я жутко боюсь качки. До истерики и отвратительных бабочек в животе. Даже не бабочек, а тараканов. Целого мешка огромных рыжих неугомонных тараканов. Для меня ехать в деревню (а летом – это только водный транспорт) – мука, ужас и кошмар. Я стою на палубе и читаю «Отче наш», обещая, что если

доеду живой, брошу курить и тут же стану хорошей матерью. Жру валерьянку и могу высадить за два с небольшим часа полпачки сигарет. Ужас, в общем. Стыдно, товарищи, но я неврастеник.

Видимо, полуденное светило хорошо напекло мою глупую головушку, потому что я согласилась. Стоило это удовольствие каких-то сто рублей, и я подумала – это же не настоящая лодочка! Рядом из воды – только недопитая минералка в руке у хозяина этой карусели. И я села. Чёртова лодка начала раскачиваться, и с каждым взмахом всё сильнее и сильнее. Мало того – она поднималась всё выше! Глаза у Жени сияли, сарафан развевался, руки сами собой исполняли какой-то замысловатый танец счастья, а я... Я поняла, что наличие воды – далеко не обязательное условие для того, чтобы испытать такой ужас!

Смотря в глаза хозяина этой чудовищной конструкции, этой платной пытошной, я попросила остановить жуткую качель под прекрасным предлогом того, что моя дочь боится. Естественно, не слушая гневного Жениного шипения:

– Мама, ты что! Я не боюсь!

Неет, милая, мама лучше знает, чего ты боишься! Оказавшись на твёрдой (слава небесам!) земле, я снова пришла в отличное расположение духа, и пошли мы с ней кататься на паровозике – причём абсолютно безвозмездно, то есть даром, как говаривала незабвенная Сова. Уж не знаю, что послужило причиной такой щедрости – недокатанные десять

минут на «Лодочке» (тху ты!) или верная догадка, кто из нас испугался – а может, как всегда, Куропаткино всем на свете заинтересованное лицо. Но мы катались добрых пятнадцать минут под добродушное ворчание усатого дядьки-карусельщика.

...Мы доедали совсем растаявшее мороженое, выдавливая его из стаканчика, и пачкались им на резких поворотах. Можно было, конечно, взять специальную деревянную палочку, которая шла к каждому стаканчику (тоже бесплатно), а можно было вообще взять и два стаканчика – но так было бы уже неинтересно, согласитесь.

Потом было кино. Я нечасто вожу её туда – усидчивости не хватает, то ли дело бассейн! А потом она снова уехала.

Проводив, усадив, поцеловав, помахав я поплелась домой. И от этого золотого дня незаметной пылью осталось ощущение, будто я «гостевая мама». Всё было идеально, но недолго – Жека снова в деревне, я опять работаю и... Боже, как мне надоел этот ремонт! Несмотря ни на выкрашенные золотом батареи, ни обалденные фотообои на кухне во всю стену и новые межкомнатные двери – надоел! С одной стороны – я скучаю по детке, а с другой – наслаждаюсь свободой. «Кукушкин комплекс» – вот как я это называю.

Долгие провода

Раз пошла Кукунция провожать подружку. До дороги. Ок-

на нашей квартиры выходят на другую сторону, поэтому через дорогу переводить подружку я не разрешаю – дошла же та к нам без посторонней помощи как-то? Днём-то, конечно, отпускаю: спускаюсь вместе с ней и смотрю, как она переходит дорогу. Научила, конечно, всегда смотреть по сторонам, ждать, когда проедет автомобиль, куда машинка замигала – туда сейчас и повернёт (невключенный поворотник – гарантированное моё нехорошее слово в адрес водителя), ну, и прочие полезные навыки при переходе дороги. И Жека теперь никогда не переходит на красный свет – один раз мы перебежали там, где этот переход три метра составляет, и машин мало было, так она мне потом всю дорогу чистку мозга проводила насчёт моего безответственного поведения. Мало того что сама нарушитель – так ещё и её под это дело подвела! В общем, моя детка – дисциплинированный пешеход.

...Я уже вышла из душа, попила чаю, выкурила вечернюю сигарету. Куропатки нет. Прошло ещё десять минут, пятнадцать, двадцать... Я не выдерживаю. Напяливаю джинсы, рубашку, на ходу «вбегаю» в кеды, лечу с пятого этажа.

Женин телефон, конечно, остался дома.

Время – без четверти одиннадцать.

Район – не совсем благополучный.

Пешеходный переход далеко от нашего дома, проще так перебежать.

Субботняя пьянь на улицах.

Придурки на машинах.

Лица иной национальности.

Уже темно.

Ребёнку шесть лет. Ребёнку шесть лет!!!

Бегу к её подружке – а она уже дома, подружка эта. Жени у неё нет, и не было. Бегом пробегаю все окрестности. Отгоняю панику, но в животе уже предательски холодеет, в голове мерно, в такт бегу, бьётся единственная фраза – «я сейчас приду домой, она уже дома. Она уже дома, она уже дома, она уже дома, она уже до...»

На игровой площадке и в песочнице её нет. Магазины уже закрыты. Возле фонтана нет. В речпорт она не пойдёт, ибо тут я непреклонна – без меня там делать нечего. Влетаю на пятый этаж, распахиваю дверь домой... Дома её тоже нет.

Иду обратно на улицу.

Пытаюсь успокоиться. Мелькают мысли – что делать? Что мне делать-то, если?.. Куда звонить, если?.. Не додумываю, мне становится страшно. Стою возле дороги, озираюсь. На меня оборачиваются прохожие – у меня дикий, наверное, вид. Как вдруг...

Знакомый рёв. Куропатка идёт вдоль дороги, и плачет горючими слезами. «Где же моя мамочка? Я пришла домой, а мамы нет дома... Куда же ты ушла?!» И всё в таком духе. Плач Ярославны.

Бегу через дорогу, наплевав и на придурков на колёсах и вообще на все правила перехода дороги в неполюженном

месте. Хватаю это чудовище в охапку и молча иду домой. У меня нет сил ругать её – она просто пошла другим путём, товарищи. Она прогулялась просто. А я, такая вообще нехорошая, взяла и ушла из дома! Куда, спрашивается?!

...Она испугалась не меньше меня. Это же моя личная маленькая фобия – прийти домой, обнаружить, что везде горит и свет и никого не найти! Честно, я этого с детства боюсь. Поэтому и не ругаю. Дома популярно объясняю, что в моём понимании значит – проводить подружку «до дороги» и сколько это должно занимать времени – минимум, максимум. Ещё говорю ей, что я испугалась за неё. Очень, очень, очень. И что не нужно выходить из дома на неопределённое время без телефона (хотя бы!). На самом деле я стараюсь говорить спокойно, логически обосновывать каждую мысль, меня потихоньку «отпускает». И тут мой голос начинает дрожать. Предательски, да. Я отворачиваюсь, ком в горле. Быстренько сворачиваю разговор, спрашиваю – поняла, почему меня дома не было? Поняла вроде. Поняла, что «не делай так больше»? Вроде поняла. Ухожу на балкон курить.

Она виновато протискивается за мной и обнимает меня за плечи. Плечи дрожат. Мордашка уткнулась мне в шею, волосы щекочут ухо. «Ну мам, я правда больше так не буду!» Начинаю всё-таки реветь в голос, вспоминая пережитый животный страх самки, что с твоим детёнышом что-то случилось. Вытирает мне слёзы ладошками, и уже у самой начинают кривиться губы, а пуговицы неподдельно виноватые и

какие-то испуганные, что ли. Я очнулась – ну всё, малышка, валяй чистить зубки и спатки. Я уже больше не буду плакать. Я просто крайне пугливая мама, у каждого свои секреты. И вообще, кыш отсюда, тут накурено!

...Теперь, уходя из дома, я оставляю записки. Очень большие записки – на зеркале, на полу, на любом видимом месте – «НИКУДА НЕ УХОДИ, Я ПОШЛА ЗА ТОБОЙ! МАМА.»

Я уже говорила, что я неврастеник?

...А я до сих пор хожу за ней, если её долго нет. Ибо Куропатка может сорок минут ходить в магазин за майонезом, благополучно забыть про него, купить при этом молока и играть на площадке, начисто забыв про обед и меня. Или зайти в аптеку и попросить средство от аллергии на рыбу. Или разбить десяток яиц, подвернув при этом ногу так, что... Но это уже совсем другая история.

Вечерний разговор

Когда она гостит у бабушки, то обязательно каждый день звонит мне вечером. В этот раз звонок раздался в какое-то совсем непонятное и несвойственное ей время – полдесятого. Странно, странно, товарищи.

Вообще, Кукундия неохотно рассказывает мне о своих проблемах в жизни – может, это я сама так приучила (отучила?), а может, это у неё от меня. Я тоже как-то не любитель вываливать свои огорчения на людей. Но со мной-то

как раз всё понятно – не люблю я давать людям лишний раз позлорадствовать. Конечно, подруга не в счёт – она и мои истерики слышала. Даже мама, кажется, не была удостоена. Ну, неважно почему – но делиться страхами мы не любим. В крайних случаях только.

Так вот. Звонит Куропатка и бодреньким голосом спрашивает, как дела. Это вообще восхитительно универсальный вопрос – «Как дела?» Мы можем проговорить двадцать минут, обсудить всё прошедшее за день (поверьте, двадцать минут – это очень много!), и я уже готовлюсь повесить трубку, подбираю ласковые слова для прощания, бо молчание в трубке становится слишком долгим – всё обговорили! – и тут... Как фига под носом у бегуна вместо финишной ленты.

– Ну, что, мама, рассказывай – как дела?..

И всё начинается по новой.

А тут Жека идёт домой с гуляния и звонит мне. Меня этот факт настораживает ещё больше – вечерний созвон у нас не раньше одиннадцати, а то и двенадцати. Потому что она сначала ужинает, потом умывается, совершает обход бабушки-дедушки, дабы убедиться, что всё хорошо, никто никуда не ушёл, и все тоже лягут спать. Ну, и поцеловать заодно всех. По два примерно раза. Это если время поджимает. А если ещё светло – читай, рано – раза четыре-пять, как минимум. И разговаривать никак не на ходу, а уютно устроившись под одеялком и слушая сказку (две, три, пять).

Болтаем минуты три, как ни в чём не бывало. Стандарт-

ный набор ответов-вопросов, словно по бумажкам читаем. Без запинки.

– Как дела?

– Всё хорошо.

– Что делаешь?

– Валяюсь, отдыхаю. А ты?

– А я вот гуляю...

– С кем?

– С Настей.

Не знаю я, кто такая Настя. Меня не слишком интересует, кто это, ведь деревня не моя территория, это бабушка там всех знает, и, если что, не даст тесно общаться с асоциальными элементами. А то есть там некоторые... Элементы, блин! То в лес уйдут за грибами, то к речке. Ну ладно, насчёт речки-то я приврала, конечно – речка это табу. Обь не шуточки для шестилеток. За это можно получить такой нагоняй или наказание без права на помилование, что... Ухх, урок усвоен! Расскажу как-нибудь. Но за грибами ходили, это правда. И что удивительно – в корзинке поганок почти не было. И то хорошо.

И тут, на пятой минуте, когда я уже начинаю позёвывать от этого «разговора» (ничего такого не подумайте, просто мы в течение дня уже всё успели рассказать друг другу!), Кукундия говорит как бы промежду прочим:

– А у Насти мама пьяная. Падает даже. А Настя вот тут гуляет. А я домой иду.

И шустро сворачивает разговор в другую сторону, информация кратко, ёмко «слита». Шпион, блин, Максим Максимович Исаев.

Мне становится плохо. Мне жалко таких детей. Я знаю, я понимаю, что всех не пережалеешь! И всё же мне хочется реветь от того, что многие дети не получают вечером положенную булку с молоком перед сном, или шлепок по попе за запрещённые вещи... Коряво как-то я выражаюсь. Некому, короче. Пожалеть, отругать, уберечь. И ходят они, никому не нужные, голодные и неумытые. И любят щенячьей преданной любовью даже таких родителей – вечно пьяных, грязных, на заплетающихся ногах. И сбегают из детских домов, от сытого существования к мамам и папам, у которых опохмел на уме, а не собственные дети... Куда-то меня понесло, товарищи, не туда. И я потихоньку начинаю догадываться, почему Женя звонит именно сейчас. И время, ага, неподходящее, и место. Она просто боится, что я тоже пьяная. И звонит для того, чтобы убедиться в обратном – я дома, ничего не делаю, одна, и скоро лягу спать. Вот оно что, товарищи.

Ну что ж, это тоже про меня. В смысле, я пьяных людей не люблю. А если совсем честно – то боюсь. Я не знаю, что от них ждать. Мне за них стыдно. Я не ханжа, поверьте. Тоже могу на встрече однокурсников (трёх... однокурсниц...) напиться до вертолётиков. Но ведь этого никто не видел – как мы ждали такси возле бара в два ночи, и как с диким хохотом объясняли таксисту, кого куда везти! Таксист тоже

смеялся – кому-кому, а уж ему-то, поди, не привыкать развозить такой народ!

И я очень редко пью вне дома. На людях, так сказать. Для меня просто невыносимо думать, что меня нетрезвую увидит кто-то посторонний, вот как. Хотя бывали, бывали прецеденты... «Моей дочери будет стыдно за меня, если кто-то увидит меня пьяную в дрезину, валяющейся на улице» – от этой мысли явственно тянет одинокой старостью.

Речь, конечно, не об этом. Я Кукуне постаралась деликатно донести, что об этом не стоит разговаривать с другими девочками. Что нужно, наверное, Настю пожалеть. И что никогда, ни при каких обстоятельствах не смеяться ни над Настей, ни над Настинной мамой, тем более в присутствии самой Насти! Но это уж я так, на всякий случай сказала. Вдруг это ей покажется смешным, упаси небеса!

Женя, хоть и совсем несведущая (как все маленькие люди) в вопросах деликатности, кажется, поняла. Может, мой серьёзный голос подействовал. А может, ей и впрямь стало жалко девочку на фоне личных страхов. Убедившись, что со мной на самом деле всё в порядке, она ещё пару раз дежурно «какделакнула», и повесила трубку.

А меня долго наизнанку выворачивало от осознания беспомощности и неумения изменить ситуацию. В целом по стране, желательно. Или в мире.

Но, к сожалению, не придумали ещё лекарства от людского равнодушия, алкоголизма и безысходности.

Первый класс

Моя дочь пошла в школу. Нет, не так – МОЯ ДОЧЬ ПОШЛА В ШКОЛУ! В самый первый класс. Я почти не волновалась, даже уговаривала себя немного понервничать, ибо была сказочно спокойна. Как слон. Я в какой-то передаче видела – черный индус в белых одеждах ловко хватал слона за хобот (никогда бы не подумала, что так можно!) и вёл его куда-то. Может, жрать, а может, на водопой. Не знаю, что было в тот момент на уме у слона, но он флегматично шёл и даже не пытался затоптать наглого индуса в знак протеста насилию над его слоновьей сущностью. А ведь мог бы! Дальше я смотреть не стала, с вашего позволения. Так вот, пошла моя дочь в первый класс.

Погодка было просто волшебная – ветрище сдувал с ног, а дождь хлестал так, что на третий день я всерьёз заподозрила, что зарядило на сорок дней. Моя задушевная подружка заехала за нами на машине и поехали мы в школу. Альма-матер. С блестячим букетом, телефоном в руках и надеждами на лучшее.

Сказать, что это было вселенское столпотворение – это вообще ничего не сказать. Я, если честно, начало смутно помню. Родители стояли на втором этаже (я так и не поняла, почему линейку не стали проводить в спортзале) тесной кучей. То и дело перед всеми мелькала чья-то задница. Зад-

ница держала фотоаппарат в руках и неистово фоткала так называемую линейку. Остальным родителям повезло гораздо меньше, они лишь завистливо смотрели и недобро переговаривались. Впрочем, я особо не вслушивалась. Подругу я, кстати, потеряла с первых минут, а о том, чтобы позвонить ей и речи не шло – гомон стоял как на птичьем базаре. Неудивительно, конечно – напихать столько народу в такое скромное помещение, как школьный коридор. Там, поди, и ученикам-то места не хватает. Ну да бог с ними.

Подруга, отчаявшись, видимо, сделать несколько кадров, сунула мне в руки чехол со своим фотоаппаратом и благополучно смылась. Я же, взяв в помощники чью-то родительницу (судя по отчаянной решимости в глазах – это тоже была мама первоклашки), попёрла вперёд, как бронетранспортёр. Без тормозов и бибиканья. Перед этим мы долго прыгали, пытаясь так увидеть наш первый «а». Рядом прыгали такие же макаки. Тоже «наши». Вообще, родителей детей-первоклассников можно узнать по одной только гордой улыбке. Да и никто так не рвётся посмотреть на своих чад, как мы. В первый раз же!

Как потом оказалось, наших детей мы не видели и увидеть не смогли бы, даже пробившись вперёд, по одной простой причине – их там попросту не было. Это попозже под торжественный бубнёж неизвестно кого они неровным строем прошли мимо нас, с букетами наперевес, и заняли своё линейное место. Вообще, так интересно было всё устроено

– где бы я ни стояла, говоривших виднее не становилось. А постояла я, поверьте, не на одном месте! Преподаватели, завуч, старшеклассники, директор – как выглядят все эти люди в лицо я так и не узнала. Даст Бог, и не узнаю.

Малыши стояли, переминаясь с ноги на ногу, махали букетами, шептались. Кукундия держала букет прямо перед собой, как гардемарин – шпагу. Варьировалась только высота. Скакала на одной ножке и один раз, увидев меня, помахала ладошкой. Кто-то уже успел познакомиться, а кто-то был знаком ещё с садишного детства, в общем – им там тоскливо явно не было. В отличие от нас. Минут через пятнадцать мне стало по-настоящему скучно. Не то чтобы бы мне не нравилось – совсем нет, я просто устала стоять на двенадцатисантиметровых шпильках.

Я редко когда хожу при параде. На работе разве что, да и то переодеваюсь. То есть бегаю туда в кроссовках и толстовке/куртке, а уж на работе у нас у всех мини-гардеробная. И туфли, и блузки, сарафан, и пара юбок, и брюки, пара новых колгот, и косметичка на всякий пожарный. Даже жилетка лежит, если вдруг на кухне кофе обольюсь – тоже бывали случаи. Ну так вот, о чём бишь я? Да, устала я стоять в образе праздничного родителя и пытаться не уронить крышечку от фотоаппарата. И вот когда я уже была готова рухнуть на пол, наши первоклашки наконец-то пошли в класс нестройной змейкой. Следом потянулись родители. Точнее, старались продрасться сквозь остальную толпу, потому что зара-

нее встать поближе к выходу мало кому пришло в голову. Но прошли.

В кабинете нас уже ждали какие-то дети постарше. Девочка в лохмотьях и с метлой наперевес (Кукундия так вытаращила глаза, что я думала – они у неё натурально выпадут!), воображая себя, видимо, бабой Ягой. У неё получилось, ага. Баба Яга была натуралистичная – даже додумалась волосы взлохматить. А уж как у неё был повязан платок! Не иначе, как постарался кто-то из дизайнеров. Профессионально так, набекрень. Кокетливо даже. Юный возраст Яги выдавали только глазюки, такие же искрящиеся, как у наших детей, да зубы. Хотя, как говорится, медицина не стоит на месте. Даже горбик присутствовал! Ну, хорошая бабка вышла, бесспорно.

Ещё там был маленький тощий мальчик, немножко нерусский. Похож был то ли на цыгана, то ли на мулата – неуловимо, но всё же. На нём было клетчатое кепи, худая шейка трогательно выглядывала из рубашки, широченные клетчатые штаны бурого цвета на прекрасных, великолепных подтяжках! Подтяжки – это моя слабость. Сама не ношу, фигура не та, но у меня штук пять валяется. Одни – детские. В его несмелом голосишке с трудом угадывался ... Карлсон. Если честно, то совсем не угадывался. То есть никак. То есть вообще. Карлсоном его назвала Ягуся, только тогда большинство родителей заулыбалось, признав друга детства. Жеке он тоже знаком, кстати. Ещё моя книжка лежит, я читала её Же-

ке на ночь, когда она у бабушки гостила.

Не люблю я Карлсона, признаться. Как нормальный, взрослый человек – не люблю. Это такое наглое хамло, неизвестно почему невзлюбившее фрекен Бок и с упорной методичностью дебила делавшее жизнь несчастной женщины невыносимой. Вот у меня бы кто-то плюшки спёр! В свете того, что тесто я научилась заводить буквально на днях, мои плюшки мне теперь втрое дороже. Но, скорее всего, Карлсон не стал бы жрать ЭТО. Поначалу. Потом привык бы. Но что-то я снова съехала на лирику, товарищи.

Там были ещё какие-то невнятные персонажи, но моё детское сердце принадлежит Яге, а взрослое – не любит Карлсона, поэтому их я и запомнила наиболее чётко. Все остальные были не столь яркие. В общем, показали деткам какую-то весьма поучительную сказку о пользе (несомненной!) учёбы, вовремя сделанных домашних заданий. Они (персонажи) долго не хотели уходить, и я, похвалив себя за многолетнюю привычку садиться на заднюю парту, успела слегонца вздремнуть.

В заключение преподаватель выперла-таки всех посторонних, и остались мы с ней один на один – она и, пока единственный клан, дети плюс родители.

Ещё одно небольшое лирическое отступление – пока рассаживались дети, взрослые разговаривали. Подружка, миновав линейку, уже ждала нас в кабинете, чтобы забрать аппарат и полюбоваться на моё распаренное, как после бани, ли-

цо. Женя разговаривала с мамочкой своей подружки, и, завидев Катюшу, махнув в её сторону лапкой, сказала: «Вот, а это Катя! Она наш *водитель!*». Я долго потом Катюню подкалывала, ихих.

Да, и о нашей классной руководительнице. Это немножко шебутная, взбалмошная тётка лет шестидесяти или около того. У неё уже давно свои внуки, взрослая дочка, а она вот – преподаватель младших классов. Строгая (я специально записывала дочь именно к такой), но говорливая и улыбочивая. Забегая немного вперёд, скажу, что наш класс не бегают на переменках, как стадо бегемотов по коридору, а тихо сидит в кабинете после уроков. Ну, насчёт тихо – тут я, конечно, вру. Но они и правда не носятся по коридору, рискуя расшибить себе лбы или затоптать пришедших пораньше родителей. Что как-то успокаивает.

...Вышли мы из школы задумчивые. Я, во всяком случае. Погода, конечно не наладилась ни капли, да и с чего бы? Она такая ещё полторы недели стояла – ветер, ливень и холод собачий. За нами приехали. Жека не умолкала ни на минуту, рассказывая Кате, какие ей предстоять уроки, и как ей всё понравилось, да где она будет сидеть, ну и всякое такое. Катя послушно восхищалась. Странно, я лично как-то не помню у себя восторга после первой моей линейки. Ну, может, просто забыла.

Приехав домой, мы устроили себе пир на весь квартир. Ели торт ложками прямо из коробки, запивали чаем, танце-

вали и вообще всячески веселились. Потому что в ближайшее время веселиться лично мне всяк не придётся. Хотя, как оказалось, это далеко не так. Но это уже совсем, как говорится, другая история.

Письмо про любовь

Что есть любовь? Наверное, тому, кто сможет внятно, полно и в трёх словах ответить на этот вопрос, присудят Нобелевскую премию. Не меньше. Не считая посмертной славы, записи в Книге рекордов Гиннеса, золотого памятника в центре родного города и создание оному бессмертной славы воспитателя великого человека. Как-то так. Конечно, и я не возьмусь за такое. У меня гораздо больше всяких важных дел, нежели ломать голову над определением «любовь». Она есть, и я ей пользуюсь. Мне же и в голову не придёт заглядывать и изучать устройство будильника, который мне необходим минимум шесть дней в неделю. Такое в голову может прийти только моему ребёнку.

Так вот, любовь. Категории, конечно, разные. Материнская, сыновняя, дочерняя, и прочая родственная. Любовь к вещам – деньги, роскошь, комфорт, алкоголь. Любовь к мужчине. Любовь к женщине. Любовь к миру – это редкое состояние, когда мир вокруг улыбается тебе (или оно просто так кажется) в силу твоего великолепного настроения, удачного дня и прочая. Под любовь маскируется очень много

нехороших и вредных привычек, да. Под любовь замаскироваться хочет (и, что ужасно – может!) почти всё, что угодно. Равнодушие, покорность, привычка, нежелание перемен, жалость... Нужно обладать нечеловеческим чутьём, чтобы распознать одно из этих чувств, выдаваемых за любовь. Но тут есть и обратная сторона – большой риск превратиться в махрового мизантропа и человеконенавистника. Ну, в крайнем случае – неврастеника, недоверчиво щурящего глазки при каждом комплименте. Конечно, я утрирую.

К чему же такое долгое лирическое вступление, спросишь у меня ты? Я не знаю, сколько тебе сейчас лет. Нескоро я покажу тебе эти мои записки и странные зарисовки, нет, нескоро. Тебе сейчас... пятнадцать? двадцать один? Тридцать два? Или тебе уже шестьдесят и меня давно нет? Ты читаешь и плачешь, качая головой и удивляясь, как давно это было. Сколько бы тебе сейчас ни было лет. Я права, Жек?

Хочу тебе рассказать о своей любви. О конкретно любви к тебе. Знаешь, я часто кричу на тебя, иногда плачу, я слишком эмоциональна и несдержанна, увы. И я очень боюсь тебе показать в полную силу, насколько я тебя люблю. Такой закон сохранения, знаешь. Я без ума боюсь, что если Кто-то наверху увидит мою безумную любовь к тебе, детка, Он просто тебя отберёт. Ну, не знаю. Просто чтобы моя душа возвысилась через боль. Не хочу. Пусть я буду приземлённой, ограниченной, да какой угодно, только чтобы ты была у меня. Я совсем не боюсь отпускать тебя во взрослую жизнь.

Нет, не так – я боюсь, но отпущу, привив тебе максимальное количество полезных навыков. Ты меня только не бросай, детка. Звони. Пиши. Держи мою фотку на видном месте, что ли.

Я как будто уже с тобой рассталась. А знаешь, сколько тебе сейчас, вот именно в этот момент, когда я это пишу? Тебе всего семь лет, и ты ещё не пришла со школы, в пути. Глупо, да? У тебя столько всего впереди, у меня – тоже. Я тебя ещё совсем не знаю, что то будет впереди?

Итак, снова про любовь. Я не скажу, что я живу для тебя. Нет, я живу только для себя. Надеюсь, ты уже достаточно взрослая сейчас, чтобы понять эти слова. Понять и не обидеться. Я живу для себя – поступай и ты так же. Я живу для себя – у меня прекрасная дочь. Я живу для себя – у меня прекрасная работа, друзья, родители. Знаешь, откуда это? Из Литвака. Хороший психолог. В своё время я просто зачитывалась его «Психологическим вампиризмом». Но я опять отхожу от темы.

Детка, хочу тебе признаться. Каждую ночь я целовала тебя, спящую. Смотрела до боли в глазах на тебя. Распутывала золотые волосёнки. Поправляла пижаму. Молилась о тебе. Благодарила небеса за тебя. Мне кажется, ты у меня вырастешь... выросла хорошая. Говорят – первый ребёнок – последняя кукла. Ты у меня первая и последняя кукла. Да, так, пожалуй. Говорят, что второго ребёнка воспитывать проще, с опытом-то. Не знаю, и не узнаю никогда. У меня не будет

второй попытки исправить огрехи воспитания и применить накопленный опыт. Я не хочу больше детей, мне вполне хватает тебя, моя маленькая. Пусть у тебя будет вся моя любовь.

Ты очень сейчас ко мне привязана. Я боюсь этого. Я откровенно пугаюсь, когда ты всерьёз начинаешь рыдать при случайных словах «я не навсегда, когда-то и я умру». Я начинаю раздражаться, когда ты испуганно вытаращиваешь глаза только при моей попытке выйти из дома без твоего ведома. Даже если ты сейчас совсем не дома – тебе нужно каждую секунду знать, где я, что со мной, кто со мной, когда приду. Даже если ты далеко, у бабушки, например. Я психую, когда ты плачешь, не желая оставаться дома одна. А знаешь, почему? Потому что у меня нет выбора – мне нужно идти, а тебя увести к кому-то или нет времени, или просто не к кому. И в гости пригласить некого. И я убегаю, испытывая чувство полного бессилия и злобы на себя, непутёвую мамашу.

Хочу тебе рассказать про один ужасный момент в моей жизни. Мне стыдно до сих пор, знаешь. Я уехала кататься с другом. Просто прокатиться по городу. А ты спала. А когда я подъехала к дому, ты стояла на окошке и громко кричала и плакала. Прямо в форточку. В два часа ночи. Не передать никакими словами, как мне плохо и стыдно до сих пор. Я не ездила на свидание, я не гуляла по кабакам, я просто поехала прокатиться по ночному городу и поболтать с другом.

И в этот момент я узнала себя. Себя лично. Когда моя мама уходила куда-то, а я просыпалась. И её дома не было.

А один раз я просто вылезла в окно, потому что мне было страшно оставаться дома. И вот после этого куска памяти я уже не ругаю тебя за боязнь остаться одной дома. Я просто почаще тебе звоню.

Знаешь, детка, до сих пор, когда я ночью у мамы, я ночью на цыпках подкрадываюсь к её кровати – дышит? И успокоено иду спать. Ведь все мы дети. Просто кто-то очень хорошо прячет ранимого или пугливого своего ребёнка поглубже, ведь его так легко обидеть.

Я не знаю, для кого я сейчас это всё пишу, наверное, больше для себя, чем для тебя, но, мне кажется, я сохраню это. Хотя бы просто на несколько лет. У меня есть такая идея – написать побольше про тебя, и, когда ты уже будешь совсем взрослой, подарить на рождение твоего ребёнка – моего внука – книжку. В единственном экземпляре. Книжку про тебя, родная. Конечно, я не жду, что она когда-то станет семейной реликвией, как, например, прапрабабушкина деревянная икона, переходящая по маминой линии от матери к дочери. Бог весть, может ты её и читать-то не станешь. Но кто-то когда-то возьмёт эту книжку в руки и вытаращит мои карие глазюки, поднимет бровки домиком и скажет – Мамааа! Это ПРО ТЕБЯ?!

Вот, в общем-то, и всё. Пусть этот небольшой рассказ (эссе? зарисовка? мысли вслух?) будет началом или концом этой книжки. И название, скорее всего, будет «Куропатка. Заметки про дочку» по названию самого первого документа

Word, который я начала писать Бог знает когда. Когда мы жили на съёмной квартире перед покупкой квартиры. Это было в начале зимы двенадцатого года. А сейчас уже зима тринадцатого. Ну, осень двенадцатого, хорошо! [осень четырнадцатого]

Я жалею только об одном – что не стала делать этого раньше. Печатать-то. Многое уже просто стёрлось из памяти, а если когда и всплывёт, то под рукой нет ни карандаша, ни чего-то мало-мальски подходящего, чтобы записать просто мысль. Увы.

Читай, Кукундия. И помни – я всегда рядом с тобой. Где бы ни была ты, где бы ни была я, как бы банально это ни звучало. М?

И вот так я завершу воображаемую первую часть, оставив на послевкусие блёстки, заодно смешав их, и Женины, и свои, чтобы плавно перейти ко второй, более другой (хи-хи, люблю это выражение!) части книги.

Девчачьи блёстки

Женя и бабушка приезжали в гости, быстро, одним днём, и я не успела могрнуть глазом, как они опять уехали. Записано со слов мамы.

Приехали они домой, и, пока бабушка мечется, распиши-

вая сумки по местам, а также всё, что успели разбросать два взрослых мужика в её отсутствие, Кукунция бродит рядом – есть охота.

– Бабушка, а что у нас есть покушать?

– Ну, там сосисочки лежат, картошка. Иди, Ванюша тебе разогреет сосиски и гарнирчик. Ванюша – это мой брат и Женин дядя.

Кукунция, немного подумав, скучным голосом записной ломачи выдаёт:

– Сосисочки буду, картошку буду, а гарнирчик мне Ваня пусть не ложит. Я не ем такое. Я не знаю, что это...

Я не люблю играть в куклы – у меня есть одна большая. Я не знаю, что говорить, Женя меня всё время поправляет. Я не знаю, у кого есть крылья, и кто умеет метать молнии, и поэтому во время этих игр порю такую чушь, что мне стыдно. Зато я придумываю другие. Выйдя на балкон покурить (ужасно непедагогично! И я скоро брошу, честно!) я тихонько с телефона заказываю пиццу. Потом на маленьких листочках пишу отдельные слова. «Мы», «сейчас», «будем», «есть», «пиццу». И, под видом лёгкой уборки, то есть шатаюсь по дому и заглядывая во все углы, вытаскивая из каждого мусор (а уж у нас мусор-то найдётся в любом углу!) незаметно распихиваю эти бумажки. Каждую предусмотрительно сложив вчетверо и подписав порядковый номер. «Мы» –

1, «сейчас» – 2, и так далее.

Затем предлагаю поиграть в «холодно-горячо». Куропатка легко и быстро соглашается. Конечно, я ей говорю, что она должна найти листочки бумаги.

И начинается Большая Игра! Куропатка с упоением ищет эти бумажки. Стонет, что я их так спрятала, что она уже сдаётся. Пуговицы сияют голубым огнём, лапка торжественно и ликующе размахивает очередной найденной бумажкой! Кладовка, ванная, кухонный шкаф, полка на балконе, стопка с дисками, «вечерняя» книжка – мест, куда можно попрятать, ужасно много! Но вот все бумажки собраны воедино и лежат неопрятной кучкой на столе.

Так как считать она уже умеет, ей не составляет особого труда разложить листочки (вернее, уже измятые тряпочки) по порядку. Ну, говорю, а теперь разворачивай и читай. Нужно, конечно, это видеть, как она это делает! Как ей становится интереснее и интереснее с каждым прочитанным словом, как разгораются голубые пуговицы неситовым огнём. Наконец, читает всю фразу целиком. «Мыыы... сейчааас... бууу-удем... есть... ПИЦЦУ!! Мамочка, ты что – заказала ПИЦЦУ?!»

Начинает танцевать, вопить, бежит мыть вилки и накрывать на стол. За каких-то триста рублей у ребёнка радости на миллион.

Мне иногда кажется, что некоторые взрослые разучились радоваться самым простецким вещам. А ведь это так просто

– видеть приятное и хорошее в обыденном. Нам есть чему поучиться у наших детей, точно вам говорю. Попробуйте.

Утром иду из школы домой – Жеку уводила, и мне сегодня не на работу. Шла дворами. На улице – красота и кайф. Минус пять, ветра нет, воздух такой свежий, чистый, совсем зимний! Я уже нарядилась в шубку, у мамы выклянчила удобные гномичьи сапожки без каблуков... В общем, получилась настоящая утренняя прогулка. Я сегодня не торопилась домой.

И вот идёт бабушка. Старенькая такая бабуська, в платочке, пальтишке (или курточке, что ли?). И ругается. Ох, какие она заворачивала выражения, и чего там только не было, от родственников вплоть до четвёртого колена до личных сексуальных пристрастий! Та ещё бабуся, видать.

– Дрянь ты эдакая, измучила меня всю! И жрать-то ей подай-принеси, и говно ходи за ней убирай, и перепортила у меня дома всё, зараза чесоточная! Чего вылупилась, мочалка драная? Ах ты, помоечница, ах ты скотина шелудивая!..

И всё в таком духе, это самое мягкое. Но КАК она это говорила! Воистину, иногда нужно слушать не слова, но музыку. Ворчливо, ласково, со смешком, как умеют, наверное, только вот такие бабуси.

А рядом собака шла. Большая белая дворняга-лахудра. И, ей-богу, улыбалась! Подставляла лохматую башку под мор-

щинистые бабкины руки, зубами шутя хватала за рукавичку, торчащую из кармана, копилкой усаживалась под ноги, а то вдруг неожиданно подпрыгивала, как жеребёнок, и от души валилась на бок и поглядывая – что-то бабуся на это скажет?

И так мне эта парочка настроение подняла! Сижу и улыбаюсь.

Вчера на работе отжигала. Дай, думаю, наряжусь прекрасной принцессой, в юбочке похожу. Я ж серьёзная дама, в конце-то концов! Хотя знаю, что день не задастся, если в юбке приду. Примета, проверенная временем.

И вот приходит клиент. Рассказываю про процентные ставки, помогаю подобрать оптимальный вариант вклада, шевелю ручками, печатаю договор. Ну, всё как надо. Клиент видит, что не соплюшка какая-то сидит, а такая себе серьёзная тётенька, всё знает, всё умеет. И тут началось.

Видимо, от сознания собственной важности память у меня начисто отшибло. Договор подписала, а печать не поставила. Поскакала за печатью. Тыц! Шлёпнула. Прибежала. Ага. Приходный ордер в кабинете оставила, побежала, принесла. Угу. Копию паспорта забыла сделать, опять рванула в бухгалтерию. Клиент с возрастающим недоумением, а потом уже и весёлым любопытством смотрел, как я, словно припадочная коза, кругами ношусь по офису.

Но надо было видеть его глаза, когда я ему принесла вме-

сто паспорта заверенную копию! От такие, натурально, были. Он при этом начал нервно подхихикивать. Я бы не удивилась, если б у него глаз дёргаться начал (а может, просто не разглядела). Девочки на кассе уже ржали в голос. Правильно, говорят, Юлька, вклад у него на сто восемьдесят два дня, вот через полгода и отдашь паспорт, неча ходить деньги снимать. В общем, хожу по-прежнему в джинсах вопреки офисному дресс-коду. Оно как-то спокойнее.

Утро вечера мудренее – эта поговорка срабатывает почти всегда, как ни странно. Вчера я металась, переживала, даже всплакнула о чём-то глубоко несбыточном, долго и сумбурно писала дневник, стирала... В общем, трепала себе нервы с превеликим удовольствием. Утром же, вполглаза глянув в интернет, увидев там -30 градусов (а это значит утренняя свистопляска со сборами в школу отменяется) я стянула плед с дивана, завернулась поплотнее и уснула дальше спать. Проснувшись, вместо обычной готовки, уборки и прочих бытовых радостей, пошла в магазин. Пошла с дальним прицелом – купить какую-нибудь крайне необходимую фигу. Например, деревянный столик-поднос, чтобы безнаказанно лопать бутерброды с чаем прямо на диване. Столик я не нашла. Владелец мебельного отдела, неизвестный Ахмет, оставил на стеклянной двери мятую записку, мол, буду в три. Или в пять? Не судьба, весело подумала я, да и пошла

дальше. И нечаянно забрела в книжный магазин. А потом в продуктовый. И устроили мы вечером с Кукунцией себе пир на весь мир – оливье, борщ, плюшки с молоком, мандарины и мороженое. Как говорится, люблю повеселиться, особенно пожрать.

И вот сегодня, повторяюсь, вместо того, чтобы облизывать полы и гладить рабочие блузки, мы с Кукуней лепим свечи, делаем самопальные гравюры, заливаем разноцветное мыло в формочки и потом полтора часа им же, свежезаготовленным, умываемся. Едим мандарины, валяясь на диване (и на фига нам тот столик?), играем с котом Томасом палкой-удочкой с привязанной на конце дохлой мышью, и замазываем царапины зелёнкой (растёт парень! раньше только кусался).

Так вот, к чему это я тут расхвасталась. Передышка. Нам всем ужасно иногда нужна передышка – бессмысленные, но приятные вещи, вроде этих свечей или развесёлых игр с котом, как-то не то чтобы скрашивают жизнь, но помогают отвлечься от серьёзных, но таких повседневных забот! Давайте отдыхать. Хотя бы иногда. И обязательно – вместе.

Стою в магазине, дитяtko выгнала за кассу, пусть у дверей ждёт. По всей видимости, я что-то важное забыла, вроде шоколадки, потому что Куропатка тарашит на меня прямо уже всё лицо и делает страшные пуговицы. Я же, сделав морду

публиком, как бы совсем её не понимаю. Ну вот не купила я шоколадку, да, да! Поворачиваюсь, выдаю шикарный взгляд и, чеканя слова, говорю:

– погоди, мин херц, я сейчас к тебе выйду и мы обо всём договоримся!

Не учла я только одного – Кукуня маленькая, а мужик рядом большой стоял. Ну, и смотрела я, получается, вроде как на него. Ладно он, но вот женщина, стоявшая рядом, сделала глаза пострашнее Кукуниных.

– Штооо?!

Вот тут я и струхнула. Поправились:

– Женя, подожди...

– Женя?! Женя, это что за баба?!

Нам аплодировали продавцы и вся очередь! А нас они потом до дома подкинули, большой Женя и его ревнивица-супруга.

Прихворнула моя Куропатка. Слегка пугнула, покашляла. Ну, мне много-то и не нужно, я ж паникёр тот ещё. Счас, говорю, будем малину ложкой хлебать и ингаляцию делать. Женя ходила, ходила, ждала-ждала, а я что-то задумалась. Дёргает меня за рукав:

– Так я где ингальить-то буду?

Тут, говорю. Сейчас ингальнём на всю катушку. Достала кастрюльку, начистила в неё картохи сколько-то, хорошень-

ко вскипятила, и достала старое одеяло – накрываться. И мы полезли под одеяло. А тут мама моя звонит. Что делаете, девочки? И Женя таким скучающим голосом пресыщенного удовольствиями человека говорит:

– Да так... Картошку нюхаем...

...И под одеялом она не даёт мне покоя!

– Мааам! – сдавленный шёпот – А ты сейчас сможешь картошечки из кастрюли поесть?

И хохочет, козявка. Не скучно лечиться с ней! Будьте здоровы.

Я идиотка. Нет-нет, я не веду себя как она, но чувствую себя отчего-то именно ей! Ну то есть веду, конечно, но только не в этот раз! Не знаю, как так получается. Просто парадокс какой-то. Парадоксами моя жизнь очень даже наполнена, если не вообще состоит только из одних них! Как-то раз в отвлечённом разговоре с драконом про всяческую жизнь мы коснулись семейной жизни в частности. И он сказал какую-то совершенно невероятную вещь. Что-то не менее парадоксальное, чем чувство идиотизма, при том, что ты вовсе не идиот. Что-то про унитазный кружок, у которого, оказывается, ещё и существует своё какое-то технически и научно обоснованное наименование. Сложное какое-то. Ну да не суть.

Так вот, всё дело в этом самом кружочке для унитаза. Дра-

кон, смеясь глазами, мне долго втолковывал, что несчастный кружок вполне может стать предметом ссоры, даже развода и вообще нехилым камнем преткновения! Представляете? Вплоть до смертоубийства. Что-то там про доминантное положение, альфа-самцов и поднятую крышку. Чушь какая. Но я честно пыталась взять в толк, о чём это он. Хотя до сих пор подозреваю его в том, что он просто смеялся надо мной. Я делала рыбы глаза, и чесала макушку, не имея достаточного интеллекта связать эти две потрясающие вещи.

Короче, я тогда ни черта не поняла. Но, придя сегодня в хозяйственный магазин, решила таки поменять этот самый кружок. Просто на всякий случай. Ну чувствовала я, что это всё же потенциальная угроза моему благополучию! Этих волшебных хреновин там была целая витрина. Представляете – развестись или насмерть поругаться из-за таких вполне себе симпатичных штук? Признаться, все они были довольно миленькие. И я даже несколько растерялась.

– Вот, есть пластмассовые, а есть мягкие – несколько невнятно прожевала в мою сторону девица в свитере с вытянутыми рукавами, оказавшаяся продавцом в этом магазине. Моём любимом, можно сказать. Мини-барахолка, до которых я большая охотница. Помимо кружка для унитаза – черт, до чего оказалось трудное дело! – я прикупила ещё кубики для сливного бачка и пару тряпочек. То есть у унитаза получился как бы день рожденья.

– Ну какэ?.. – нетерпеливо переспросила меня мнущаяся

рядом продавщица сих девайсов, жуя жвачку и переминаясь с ноги на ногу. К тому времени, как я более-менее определилась с выбором, она оказалась изрядно мной замученной. Решив, что парусник для моего старенького унитаза и развалин вместо нормальной ванной комнаты будет слишком пафосен, я остановилась на каких-то фиолетово-зелёных цветочках.

Так вот. Собственно, идиотизм ситуации. Этот сволочной кружок с мягким сиденьем теперь всякий раз, как только я на него сажусь, протяжно вздыхает! Нет, вы представляете – весы не вздыхают, а он вздыхает, подлец!

В общем, дракон был прав. Определённо этот самый кружок вполне способен испортить жизнь кому угодно. Тем более мне.

Деть в деревне у бабушки. А бабушка у нас важный мэн – директор клуба. И Женька с ней на работу таскается постоянно, летом всякие развлекаловки для детей – и батуты, и площадка, и игры. Досуг, короче. И дискотеки в том числе.

И теперь каждую пятницу Женя устраивает бабушке натуральный вынос мозга – «Что мне надеть?». Неполных восемь лет пигалице! Пока разговариваем по телефону с мамой (они собираются), на заднем плане диалог:

– Пошли, Женя, там для вас игры будут, потом чай с конфетами.

– Бабушка! Я вообще-то иду туда танцевать, а не лопать!

Достань мне шорты!

– Иди в платье, тебе чего? И красиво, и вообще... Вот это платьице надень.

– Ну баа! Как я там, по-твоему, в платье танцевать буду?! У меня же всю попу видно будет!

А я хохочу. Это ж как танцевать-то надо? Зажигай, Женька. Я уже так не могу.

Едем на дачу. Приехали, встали в позы – стоим, загораем. В смысле – грядки полем. Краем глаза отмечаю, что на соседнем участке валяется что-то. Гляжу – и будто бы человек. Согнулся в три погибели, встал на колени, лбом в землю уткнулся. В тулупе коричневом. И не встаёт, что характерно! Ну, мелькнула мысль – помер. Как я подпрыгнула, как поскакала сквозь буераки! Чисто спасатель малибу! Подбегаю – а это пень выкорчеванный. Соседи стоят, и тихо балдеют от моей наглости – прискакала девка, обежала круг почёта вокруг их пня и, краснея, опять ускакала в пампасы. Ужас!

Сижу на диване, смотрю фильм. «Звонок». Вот решила себе нервишки пощекотать, хотя я и не любитель психологических триллеров. После прочтения «Омэн» в сопливом детстве неделю с разбега в кровать прыгала – страшно было на

пол ноги спускать. После «Кошмара на улице вязов» – долго на краешке у стены спала – думала, кровать меня сожрёт. Полосатых свитеров до икоты боюсь, а к мужикам в шляпах отношусь априори с подозрением.

Так вот, сижу, кино смотрю. Вдруг стул передо мной как запрыгает! Чуть не обделалась я, товарищи, прошу прощения за интимные подробности! Нервишки-то оказались уже расщекочены по самое некуда! А дома у меня тихо, темно и пол деревянный. Эффект неожиданности чуть-чуть из штанов не полился! А это кот, сволочь полосатая, клубки ниток размотал, вокруг стула побегал и в кухню их утащил. А потом на этой кухне ему вдруг пришла в головёнку фантазия снова ими поиграть. Там потянул – тут запрыгало. Страх страшный!

...Шторы у нас длинные в комнате, до пола. Даже валяются на полу слегка. Томас, котина противная, сидит за шторинной и орёт. Время – ночь, мне спать, а он орёт. Чего орёт, чего надо? Я ему уже и орало давеча с альтернативной стороны подрезала в ветклинике, нет: орёт. Мои вопли, тапки и страшное змеиное шипение пополам с матюгами на него не действовали совершенно! Достал он меня – сил нет. Подхожу к балкону, да как пну его! Вы не подумайте, я кота не бью никогда, но тут достал он меня капитально. Короче, пнула я не кота, а утюг. Утюг тоже подло притаился за шторой,

правда, молча. Томас выскочил из-за второй шторки с другой стороны и воровато скрылся в недрах квартиры. И, что примечательно, заткнулся. Дня, по-моему, на два.

Вообще у меня с животными странные отношения, продолжая предыдущее. Прихожу давеча к подруге. У неё собака, дог. Противная такая псина, и всё время на меня косится, будто я из её тарелки жру и хозяйские ковры пачкаю. Сядет и сурово смотрит. Чего, мол, опять припёрлась? А чаем тебя не напоить? Вона, давеча даже колбаски зажала, жадюга!

А я просто боюсь ей руку протягивать, а с пола она принципиально не жрёт. Ну, короче, сижу, ноги поджала. Вдруг смотрю – какаха. Натуральная такая какаха, коричневая колбаска лежит. Ааа, думаю, голубушка, ты сама-то не без греха! И с видом махровой ябедницы обвиняюще протягиваю перст в направлении какули. Вона, говорю тоном записной стукачки, ишь чего? И собаченции говорю – фу, засранка какая! Не могла потерпеть? Я думала, она меня ударит, такой у неё был взгляд! А подруга засмеялась и подняла с полу... резинку для волос. Первый раз мне было так стыдно перед собакой! Она милостиво разрешила мне обнять её, выслушала мои извинения и прощающе лизнула в щёку. Хорошая собака!

Вышла утром на балкон. Напротив, через дорогу – про-

дуктовый магазинчик «Витязь». Сменили вывеску, подновили. Смотрю – внизу ещё буквы добавились. Кругленькие такие. Жёлтенькие. Щурилась, щурилась, читала, читала – «ням», «иди», «или», «лили», «мим». Ну, не вяжутся эти слова дурацкие с витязем, никак! Хрень полная, товарищи, выходит.

«Витязь, иди», так, что ли? Типа, вперёд, за колбасой, бесстрашный воин! «Витязь, или...» Витязь или аптека, что ли? Гречка или валерьянка? Аптека там же ещё. «Витязь-мим» – жесть вообще. Раскрашенная печальная кукла с копьём и щитом. Кудрявая и бородатая.

В конце концов, с глубоким сожалением констатировала, что зрение изрядно упало. Даже расстроилась. Но, неугомонная натура, пошла, взяла фотоаппарат, сфоткала, приблизила. Знаете, что это было? Ленточка. Типа с двух концов завитушки. Ни буквы лишней! Успокоилась.

Купила форель. Рыбину целую замороженную. Естественно, захотела опробовать новый шикарный нож. Красивый! С цветочками и бабочками, бело-розовый – в общий кухонный колорит. Надо сказать, в семнадцать лет я, как и все студенты, подрабатывала. Посудомойкой. И там меня научили и стряпать, и правильно резать, и всяким хорошим секретам. Правда, один урок всё же впрок не пошёл. «Не чисти, и не режь на себя!»

Естественно, что этим ножом я звезданула себе по пальцу, по самому сгибу. И рассекла так, что кровяшка, как со свинки потекла. Тут стук в дверь, соседушко.

– Ваш кот?

Надо сказать, что у вторых соседей кот по окраске – один в один с моим Томасом. Сидит и орёт под дверью.

Нет, говорю, не мой. Совершенно точно вам говорю. Соседовы глаза опускаются на мои руки, вымазанные кровью, и нож. Бог его знает, почему я с ножом открывать пошла.

– А, ну да... – сосед нервно сглотнул. – Понимаю... Не ваш, ага...

И тут, на соседову беду, с косяка моей двери спускается здоровенный паучище! Просто гирька, а не паук! Я громко заорала и махнула рукой... в которой был зажат нож. В сторону соседа, конечно. Идиотка.

Сосед, малодушное, неподготовленное существо, тоже заорал, попятился и начал закатывать зенки, собираясь, по-видимому, от меня упасть в обморок и вообще перестать жить. Отпоила валерьянкой, извинилась. Как же мне было стыдно! Наверное, скоро соседи будут мне собирать деньги, как Эмилю из Лённеберги – отправить меня в Америку. Ну к чёрту, никому открывать не буду больше!

Сегодня дома – шаром покати. Есть очень хочется. Побежала в ближайший плодово-ягодный магазинчик, хоть кар-

тохи купить да фруктов каких. А там продавец поменялся. А у меня сегодня настроение игривое – дальше некуда. И молодой человек, продавец, на меня посматривает, поглядывает и улыбается. А чегой-то вы, говорю, милчеловек, на меня уставились? Я смущаюсь! И глазками эдак повертела. Тьху, макака старая, кокетничает ещё!

Парнишка, не говоря ни слова, берёт меня за плечи и ведёт в подсобку. Я от неожиданности даже не сопротивляюсь. От те раз! – промелькнула мысль. От это поворот событий! Ах шалун, негодник! Между тем парень тыкает меня носом в зеркало... О ужас! У меня усы! Как у Будённого Семёна нашего Михайловича! Это я на балконе пепельницу опрокинула. Руками окурки собирала, да потом и позабыла. Мазнула, видать, косорукая. Руки вот вымыла, а лицо – нет. Протянув мне салфетку, парень также молча удалился. Почему молчал? А потому что, стервец, говорить не мог. Только я вышла, как из-за двери послышался искренний, здоровый и очень заразительный хохот. Так и смеялись – по разные стороны двери.

У меня сегодня ситуация – хоть плачь. Но я отчего-то смеюсь. Иду домой с работы, нагруженная, натруженная. Смотрю, у соседей дверь нараспашку. Двери, их вообще две. Внутренняя просто прикрыта, щёлка небольшая. А внешняя – полностью открыта. Ну, думаю, добрая я душа, счас за-

хлопну. И захлопнула. «Получай фашист гранату» – на этих странных словах я заметила соседа. Только когда я увидела его бешено вращающиеся глаза, трясущегося в припадке, и пену на его губах – ой, что-то не то, тогда подумала я. Я поняла тогда, что за слова такие он сказал.

Выскочил мужик на минуточку, называется. Курнуть. Ну, и курил бы возле двери! Так нет, он за стену спрятался. Ключи, естественно, дома оставил. Ну да ладно, я вот и слесарей знаю! Короче, отпоила мужика чаем, обизвинялась вся. Но осадочек, как говорится, остался. Я в его глазах и без того не была образцом добродетели, а теперь и вовсе на веки вечные дурищей останусь!

Ну, в продолжение идиотизма. Только соседа домой водворила, давай уборку делать. Мусору пакет насобирала, кошачий туалет выгребла. Попутно разговариваю по телефону. Спасибо создателям гарнитуры! Нацепила наушники и болтаю с мамой. Пошла мусор выносить, чего, думаю, вонять тут он мне будет. Выхожу из подъезда. А, надо сказать, у нас живёт женщина одна, всегда со мной здороваётся по имени-отчеству. Пользуясь служебным положением, я тоже узнала её имя-отчество. Красивое такое, всё не запомню никак. Что-то навроде Мормышки Подоконниковны.

Открываю я дверь подъездную, и тут Кукуничик мой у бабушки трубку рвёт, со мной поговорить. И вот я выхожу из

подъезда, и, глядя прямо в глаза тихой и вежливой моей Мормышки, чётко и весело говорю:

– Привет, Квазипука!

Занавес.

Это я так иногда Куропению называю. Квазипука, Куропендра, Кукупятка, Кузябла, Курында, Мухоежик.

– Ну, привет... – растерянно отозвалась та. Потом только заметила у меня наушники.

Хохотали обе до слёз.

По долгу службы часто контактирую с иноземцами. В основном, это таджикские работяги. И вот приходит ко мне женщина, лет, наверное, пятидесяти. Она у нас постоянный клиент, и у неё уже есть вид на жительство. И чудное имя – Хамро. У них вообще такие красивые имена! И крайне противоречащие своим написанием всем правилам русского языка! Неъмат, Аъзам, Ёрыскан, Жыпаргуль, Насрулло... Частенько думаю – а какие у них ласковые производные от имён? Ну вот хть Неъмат. Нёма, что ли? И очень много ивановых иванов ивановичей – Хабибуллаев Хабибулла Хабибуллаевич – частое дело. Я вот теперь знаю стопицот имён, начинающихся на «Гул» – Гульчехра (Гулчехра), Гулбахор, Гуляжам, Гульнара, Гулноза...

Попросила женщина открыть вклад. Конечно, я немедленно этим и занялась, а она при этом мне тихонечко в микрофон похвасталась, что сдала экзамен на российское гражд-

данство аж на 95 баллов. Или по русскому языку экзамен? Или это одно и то же? Понятия не имею, признаться! В общем, она начала рассказывать, а я, потеряв всякое строгое рабочее лицо, краснела, хихикала в ладошку, а потом уже откровенно хохотала!

Разговаривает она гладенько и быстро, но, конечно, путает падежи и всякое такое прочее. Очень своеобразная, и очень живая речь. Вкупе с богатой мимикой, ласковым тоном, хитрым прищуром морщинок – честно, очень она мне нравится! Кстати, я заметила – почему-то не используется ими слово «положить». Вместо него «поставить». «Поставьте мне денег на счёт» – вот как они говорят.

– Ой, ну ничего я не понимала, ну так трудно была, так сильно не понимала! Так разговаривать была! Хочу сказать девушке «я вас вчера поняла», а говорю ей «я вас вечером поймаю!». Ой, как она смеялся, девушка, сильно-сильно! Вот, я у мамы была больница там, сестра мне говорит «подай судно». Какой, говорю, это же корабль?

И сама смеётся. Прикрывает ладошкой лицо, жарко снова шепчет в микрофон, сильно наклонившись и оглядываясь по сторонам:

– А слова какой похожий! Говорит мне спрашивает «вы – резидент?». Какой президент? Это же мужчина, говорю, я же женщина, говорю ей! Ой, не поняла ничего! Смеётся надо мной, я ей говорю «Дай тебе Бог здоровья!» Такой девушка смешной! Говорят мне, как приехать в центр маршрутка? И

ответы такие, не просто рассказать, а ответы такие – а, бе, ве... Говорят, будешь подсказывать – выгоню из класса! А я же просто спрашивала! Ой, говорю, не смотрите на меня уже! А то я стесняюсь!

– Вот. А там ещё вопрос такой был – ипотека. Что такое? Знаю банк, сама хожу, они мне сказали – расскажи, как квартира покупать. Ничего не поняла. Говорю – вот пришла я в магазин и хочу красная машина... Кредит – поняла, ипотека – не знаю совсем. Доллара, евра – что такое? Банк всё время к тебе вот хожу. А мне позвонила женщина – говорит, приходите я вас жду, там три тысячи, а у меня триста рубль было. Вот кто бы мне вернул, раз не понимаю ничего? А фигушки, никто бы не вернул!

И быстро украдкой показывает мне сухой коричневый кукиш.

– Дай тебе бог здоровья! Мама, детки – хорошо всё!

Я допечатала бумаги, поздравила её, попрощалась и ещё долго потом улыбалась вслед этой маленькой немолодой женщине. Наверное, нужно иметь какой-то особенный характер, чтобы в чужой стране не терять этого добродушия и весёлости.

Да, и ещё в продолжение. Как-то в офис пришёл суровый сын гор. Тыча пальцем в себя, он говорил перепуганной консультанту-Лене:

– Я – рэквизит! Мой брат – нэ рэквизит! Нада – перевод!

Лена, давясь словами, дала бумажку на заполнение и показала окна, в которые нужно занимать очередь.

Все мы тут реквизи́ты, дружище. А перевод – да за ради бога, отправляй. Поправки в законе. Хоть реквизи́т ты, хоть не реквизи́т – отправляй кому хочь, только б деньги были!

Готовимся ко сну. Повсюду царит лёгкий бардак – там кружка, там бумажка, там куколки одёжки. Хожу, всё это подбираю, Куропатка сидит за компьютером.

– Так, – говорю, Геня!..

– Что ты от меня хочешь, мамочка? – спрашивает дочь, не отрываясь ни на миллиметр от игрушки.

– Я хочу от тебя чего-нибудь доброго, милого и хорошего!

Женя поворачивается с вытаращенными глазами:

– Внука, что ли?!

Вот только вот внука мне и не хватало!

Я вчера после работы заскочила в магазин за продуктами, праздник праздновать. Нагребла полные пакеты, и в рюкзак ещё натолкала. Да всё такое тяжёлое! Курица, банки с оливками, сыр, огурцы, масло – думала, руки до колен потом болтаться будут. Выхожу из гастронома, а передо мной дедушка вышел. Поставил пакеты, и стоит себе.

Несмотря на свои баулы, я говорю: «Вам помочь, может быть?» Дедушка на меня молча зыркнул, подхватил в одну руку свои пакеты, а во вторую – мои. И до подъезда довёл, сам в соседний зашёл. Шла и думала совершенно неподходящие мысли: "Вот это мужик!"

А сегодня смотрю – они со своей бабушкой гуляют. За ручку. Бабушка улыбается. Эх, как же я люблю такие картинки! Прямо жить от этого хорошо.

У ребёнка весьма отдалённое представление о стоматологии. Да, пару раз машинкой чистили зубки и удаляли молочные, но и всё. И поэтому у неё «полечить зубки» отчего-то выглядит как «надеть брекеты». Согласна, выглядят они устрашающе.

Заглянула ей в рот. Ой, говорю, надо к стоматологу сходить, а то, кажется, кариес. Куропенчик прикрывает ладошками лицо, и говорит, с ужасом сверкая на меня сквозь пальчики голубыми пуговицами:

– Мамочка, пожалуйста-препожалуйста – не надо! А меня там заставят всякими зелёными хренями блевать!

Нда, пора, пора нам к стоматологу...

Бегала на учёбу, на краткие курсы в головной офис. И, пока в аудитории народ не подсобрался, мы с уже пришед-

шими болтаем и вообще с нетерпением остальных ждём. Я хожу вдоль столов, стулья двигаю, места занимаю. Чтоб, значит, рядом сидеть всем. И попутно пыль смахиваю. И вот заходит такой важный мэн, окидывает зорким взглядом нашу компанию (а, надо сказать, видок у меня далеко не офисный вне стен родного заведения, в отличие от остальных), поворачивает на меня царственный взгляд и говорит начальничьим спецтоном:

– И бумагу разложите! И с доски стереть не забудьте! И воду на стол лектору поставьте!

На что мой язык выдал тут же:

– Будет сделано, белый господин!

А это, блин, начальство был.

Жека собирается делать уроки, шарит по всем ящикам, ищет карандаш. Выдвигает мой ящик, а там хоп! стописят рублей лежит. Прищуривается:

– А говорила, что денег у тебя нет!

– Ну, возьми, – говорю. – Только это последние.

– Ага! – моментально заводится та, – я и так почти без денег живу!

– И что? Я в твои годы вообще без денег жила. Ничего, не померла.

– Ааа, мне даже шоколадку купить не на что!

– И что? В моё время и шоколадок не было, одни огурцы!

Подумала.

– И что? Я в детстве вообще только титьку сосала!
Бедный, бедный ребёнок! Ужасное детство.

Стоит сейчас моё чучело, сверкает пуговицами и спрашивает:

– Мама! Вот ты мне скажи, как комментарии к фотографиям оставлять? Ну, не к чужим, а к своим? Ну, там, понимаешь, вот такие типа советы. Понимаешь? Как бы правила такие, понимаешь?

– Нет, Жека, если честно, я ни фигасеньки не поняла!

– Ну мама!! Ну, вот и типа говорю «оставьте комментарий к моим пяти фоткам, посчитайте до пятидесяти и под столом у вас окажется ноутбук»...

Я смеялась, как ненормальная! Ах ты, юный лохотронщик! Она не в первый раз уже делится такими «секретами» – то крылья вырастут, после того как в баночку с жёлтой краской чего-то там страшное сделать, то феей ты станешь, если в полночь огурец с вареньем съешь... Чудо-юдо-рыбий-жир, а не дитятко!

Сидим компанией на даче, после рыбалки, шурогайками хвастаемся да прочей рыбной дребеденью. Чай опосля баньки потягиваем. Ну и разговор, как всегда, с рыбалочьих тро-

феев плавно перетекает в охотничьи. И тут давай один товарищ хвастаться своими достижениями: – и ружжо-то у него ух какое! И медведей-то он валил, как дровосек осины. И кабаном даже хвастанул! Какой кабан-то? – спрашиваю я, имея ввиду размеры.

– Сикун! – отвечает гордый охотник.

Со мной чуть с самой сикун не приключился от смеха!

– Эммм, Дима, может таки «СЕКАЧ»?

Да какая разница, махнул рукой тот.

Но «сикунa» мы ему до сих пор не простили. И теперь когда кто-то рассказывает уж что-то совсем невероятное, вплоть до осетров, размером с акулу (нет у нас тут таких), мы сразу говорим:

– Большой, поди, был? Ну, чисто сикун!

Были в больнице, с аденоидами у нас там неполадки. Простенькая операция, стоившая мне два километра нервных клеток. Лежит моё чудо после этой операции, лицо опухшее, из носа кровь, оттуда же трубки торчат, глаза красные. И вот она таким жалобным-жалобным голоском говорит:

–Мамочка... мамочка... а давай меня сфотографируем!

Ну давай, говорю, хоть посмотришь на себя. Достая телефон. Это чудо(вище) тут же неприлично гыгыкнуло и говорит:

–... И бабушке фотку пошлём!

Чтоб бабушку, видимо, Кондратий обнял. Наверняка так.
Не рискнула!

...

–Пиить, мамочка... я пить хочу!..

–Нельзя, Кукунечка, вырвать может.

–И ееесть хочу! Ну дааай!...

–Вырвет же тебя, Куропенч, нельзя!

А жалко же! Да и час уже, положенный без еды, прошёл.
Беру чайную ложечку, начинаю аккуратненько её поить водичкой и йогуртом кормить. Тут она внезапно хватает пакет, выпучивает глаза и кричит:

–Бууэээ!!

И хохочет, чудовище! Подколола. А у меня аж руки от страха затряслись, так, что ложку выронила. Думала, и впрямь вырвало. Кажется, будет здорова!

...

Носится по коридору, ждём, когда на укол позовут. Назвали её фамилию, Куропатка с опаской входит. Стягивает панталоны до колен, ложится на кушетку, начинает поскуливать, подвякивать. Медсестрица её уговаривает:

–Сейчас маленькую дырочку сделаем в попе, и всё!

На что Женя говорит:

–Ага, и серёжку вставим!

...

Лежит, я ей соплишки вытираю. А там кровь, естественно, да всякое такое. Руки трясутся.

–Что, мама, страшно?

Ага, говорю, страшновато.

–Ну ты страшилище!

Вторая часть книги

Так заканчивается первая часть и начинается вторая. Про всё на свете, и ещё немножечко. Тут появился Дракон. Не спрашивайте, откуда он взялся, я и сама не знаю! И много-много других. И вообще всё подряд, всё-всё-всё, что помню, что однажды пережила, кого увидела и услышала. Что-то с трудом выковыривала из памяти, потому что ужасно больно вспоминать, а что-то походя легко записала там и сям, а потом уже оформила полновесными фразами и собрала в кучу.

Собака

Было мне девять лет. Вечером, возвращаясь с прогулки, увидела маленький чёрный комок с ушами. Он полз и тихо скулил, совсем крохотный, и такой беззащитный. Я достаточно равнодушно относилась к животным, не было помешательства – «хочу собаку!», как у Малыша из книжки про Карлсона, но тут что-то дрогнуло. Подобрала, притащила домой. Мои родители тоже не были против, поставив условие: моя собака – мои проблемы.

Кормёжка, воспитание, расчёсывание, прогулка, прививки, любовь и ласка – я стала ему мамой. Этот «хомячок» вырос в огромного лохматого чёрного псину. Назвала я его Гарм Терзай. А точнее – Гарм Акбар Терзай Хелльс Хартгейм.

Родители с каким-то удивлением смотрели на нашу дружбу. Зая (производное от Терзай) понимал меня не то что с полуслова, но вообще с одного взгляда. Хоть ранним утром, хоть поздним вечером, хоть глубокой ночью можно было с ним гулять без опаски – ко мне никто даже подходить не смел. Была у нас кодовая фраза – «Гарм, мне страшно». После этих слов он начинал скалить зубы и тихо рычать. Но и для того, чтобы при встрече обняться с друзьями, приходилось его уговаривать, похлопывая друга по плечу – Зай, это друг, смотри – беру за руку.

Два года мы прожили душа в душу. И вот – осень. Все мои потери именно осенью. Гуляли мы как обычно в старом парке – напротив дома был парк культуры с каруселями, а за ним – старый парк, прибежище молодёжи, собачников и прочих личностей, жаждущих уединения. Там мы и совершали моцион.

Набегались мы как обычно – до слабости в ногах и языка на плече, двигаемся в сторону дома. Слышу – не то писк, не то стон. Терзай начал с поводка рваться, а поскольку в двенадцать лет я не была крупным ребёнком, пришлось бежать за ним. Подбегаем, жуткая картина – бродячая собака валя-

ет девочку лет шести, та кричит. В общем, слышно, что не играют. Кричу – «Гарм! Взять!». Мой пёс кидается на ту собаку, начинается свара, я оттаскиваю девочку. Краем глаза замечаю бегущего человека в милицейской форме, он на ходу вытаскивает пистолет и несколько раз стреляет. Бродячая псина разодрана в клочья, а мой Гарм лежит с простреленным телом.

Не передать как я кричала. На патрульной машине его увезли в клинику, я его держала за голову и умоляла – не умирай, не умирай, я тебе приказываю, слышишь? Он смотрел на меня, он всё понимал, но в клинике через несколько часов всё равно умер. Оказывается, эту бродячую псину долго не могли поймать, но знали, что она нападает в старом парке. Плохо всё помню, если честно, эта была моя первая потеря в жизни, я две недели не ходила в школу, почти не ела, спотыкалась об его игрушки, и плакала не переставая.

С тех пор собаки у меня никогда не было. И не будет.

Осень, что ли?

День – сплошные нескладухи. Жека обещала из школы дойти до дома самостоятельно, поэтому я, особо не торопясь (с тем расчётом, чтобы успеть в парикмахерскую), завела пироги, сунула курицу в духовку, поставила кастрюльку для макарон на огонь и... И тут звонит дочь:

– Мама, на улице дождь. Я не хочу идти одна из школы!

Мои руки по локоть в тесте, курица только-только начала издавать упоительные запахи, вода закипает... Воды в кране нет. Есть только тихое сипение, кряхтение и припадочный кашель. Я буквально наливаюсь гневом. Матерясь сквозь зубы, выключаю всё, на ходу одеваюсь, заглядываю в зеркало, смахивая со щёк остатки муки.

Бегу в школу, попутно придумывая страшные кары ребёнку – оставляю без компьютера! на день! нет, на два! сожру все пряники! на ночь никаких сказок! понимая, что ни одно из них нереально. Но помечтать-то можно! Перед пешеходным переходом останавливаюсь, чтобы перейти.

И тут летит прекрасная мощная машина! Джиип! Цвет "кусочек серой тряпки, вымоченной дождём". За рулём – прекрасный принц, не иначе. Номеров я не разглядела, конечно. И эта прелесть окатывает меня фонтаном грязной воды с головы до ног. Сказочная скотина.

Размазывая по лицу грязь пополам со слезами, пытаюсь как-то оттереться. Женя уже идёт навстречу, машет зонтиком и радостно машет мне лапкой. Кое-как затолкав в себя истерические всхлипы, встречаю детку, и мы идём домой.

И всё сначала – тесто, курица, макароны. Только к этому всему добавилась заботы вытряхнуть песок из волос. Убегаю в парикмахерскую, голодная, злая и в старой куртке (в которой я далеко не так хороша, как в новой!). Конечно, опаздываю.

Сажусь в кресло, обмотанная тряпочкой, Света тихо щёл-

кает ножницами, где-то Русское радио бодро обещает – всё будет хорошо!

И вот вечер. Дома пахнет пирогами, дочка делает уроки, я красивая и подстриженная, интернет не глючит, за окном по прежнему дождь, но нам наконец включили отопление...

Наверное, для того, чтобы почувствовать такое безграничное вселенское счастье, нужно чтобы тебя предварительно потрепала бытовушка

Что-то я такая плакса стала! Осень, что ли?

Утро

Заметила, что по утрам мне не скучно ходить из школы домой – за десять-пятнадцать минут что-нибудь интересное да увижу. Или, может, я просто романтик по утрам и в выходной, поэтому и взгляд свежий, и мысли лёгкие, светлые, ясные... Не знаю.

Иду я, значит, домой. Дворами. Не тороплюсь. А на встречу мужик тащит на буксире мальчишку. Мужик орёт, пацан воеет. Я и Женя, один в один (и такие утра у нас бывают, увы).

– Давай бегом, я сказал, чо ты еле ползёшь?! Опаздываем! Видишь, у меня машина наворачнулась, никуда сегодня не успею с тобой... Давай-давай, шевелись!

И ругань, ругань. Пацан воеет. То ли от страха, то ли просто от того, что папа орёт – неизвестно. Я подхожу уже со-

всем близко. Мальчишка уже не плачет, просто всхлипывает и утирет нос перчаткой.

И тут мужик взял пацанчика подмышки, стряхнул с него ранец и прижал к себе. А пацан будто этого и ждал – вцепился тому в пуховик и сразу зарылся носом куда-то в воротник.

–Хрен с ней, с работой, с машиной, с школой. Устал я, сына. Пошли домой. Спать.

И что-то ещё неразборчиво бормотал, я не стала наглеть, хотя и остановилась, глядя на них. Подхватил одной рукой портфель, развернулся на сто восемьдесят и пошагал, видимо, домой. А пацанчик так и сидел у него на руках. И когда они меня обогнали, я увидела глазёнки этого мальчишки – так ярко светятся и Кукунины пуговицы, когда она точно знает – мама пообещала, что всё будет хорошо. И так непременно будет.

Такая вот картинка из утренней жизни.

Покой

Решили мы сегодня сходить в сауну. Ну, как решили – недели две назад записались. И две недели предвкушали три с половиной часа удовольствия. А что для женщин удовольствие? Насплетничаться всласть, намыться как следует, напиться чаю, поухаживать за собой, любимой. Во всяком случае – для нас троих эта формула счастья срабатывает всегда. Лучше бы, конечно, в баню, да где ж её возьмёшь? И выйти с

чувством полного удовлетворения собой – и, вроде как, организм побаловала здоровым образом жизни, и сама наболталась про всё-всё-всё.

На этот раз тоже сработала. А ещё началась настоящая зима, а ещё добавили дней рабочих, а ещё новенькая появилась, а ещё меня хотят в отпуск выпереть, а я не хочу, а ещё у меня волосы секутся и прыщ вот тут вот, видишь?

Нажарили мы эту сауну до ста двадцати. Уши в трубку сворачивались и волосы из-под шапки даже кончиков не показывали. А как там пахнет! Нет ничего лучше сухого, обжигающего ноздри жара, благоухающего разогретым деревом! Да пивка на каменку! И лежать на горячих досках, млея в уютной полутьме, чувствуя сквозь простынь, как тело словно питается этим жаром, собирая его где-то пониже сердца. Этот тёплый комок потом ещё долго греет тебя, правда. И даже обожжённые плечи приятно ломит и покалывает, и горячий крестик держишь в кулаке или во рту, и это как-то... естественно. И тихо вздыхаешь, и вполголоса шепчешься, и утомлённо прикрываешь веки, не в силах их вообще поднять.

А потом окунаешься в ледяную купель, поднимаясь и оскальзываясь на низкой лесенке и ахая, выпучивая глаза, прикрывая грудь. Дышишь потом так, что кажется – у тебя четыре лёгких, вместо двух, положенных природой. Будто окунаешься не в просто ледяную воду, налитую в глубокое корыто, а в самую благодать, в святую воду, живую.

А выходишь на улицу, к машине – уже темно. И деревья уже обняты инеем, и сверкают так празднично, так торжественно в скупом свете фонаря. А звёзды подмигивают с бездонного чёрного неба – живы, мол? Не упарились в своих саунах? И хочется поскорее закурить – слишком свеж этот ночной морозный воздух, слишком остро входит в грудь, от него кружится голова и хочется ощутить привычный сигаретный смог. Тем более, что на морозе курить гораздо вкуснее, что там говорить!

И вот я дома. Меня эта нехитрая формула счастья приводит в философское, лирическое и спокойное состояние, близкое к нирване. Сейчас плюхнусь в предусмотрительно разобранную постель, на чистое постельное, и никакие беды мне в течение следующих двух недель не страшны. Вот только чайку ещё выпью. Или ромашки. И сжую яблоко.

Я очень люблю жить.

Дора

Маленькая зарисовка из нежного июня, самого начала лета. Безинтернетного и бездетного.

В июне я ходила на работу пешком. Детка уже была у бабушки в деревне, никаких особенных идей насчёт "выспаться" я в тот день не имела, поэтому встала рано. В пять, против обычных пять-пятьдесят пять. Попила чайку, выкурила

сигарету, поплескалась в душе. Самый обычный день. За окном было хмуро и совсем непохоже на июнь. Но я ещё накануне решила идти пешком. Пораньше. Кеды, рубашка, рюкзак, джинсы... И пошла. Забегая вперёд – на работу я в тот день опоздала, да ещё как.

Примерно на половине дороги я увидела собаку. Видимо, её сбила машина, потому что лапа была странно и страшно вывернута, с морды текла кровь (а может, и не с морды, но собака была в крови). Собака плакала. Натурально, мне стало плохо. Собак я боюсь и не люблю, но тут я про это как-то забыла. Заметалась – куда звонить, кого звать? Скорую? Ветеринарку? МЧС? Как назло, таки пошёл дождь. Я попыталась потрогать её, посмотреть... Ничего не вышло. Собака огрызалась из последних, как мне казалось, сил. Девушка, такая же, как и я, ранняя пташка, остановилась рядом, увидев моё испуганное, зарёванное и растерянное лицо. «Погоди, погоди, не трогай её! Звонила куда-то, нет?»

Я позвонила в МЧС. Ну а куда ещё – других телефонов я не знаю! Снимают же они кошек в с деревьев! Мужчина на том конце провода (какой, к чёрту, провод? сотовый же у меня) недоумевал, но недолго. На мои сбивчивые вопли он сказал: «Подождите минутку, сейчас что-нибудь придумаем». А ещё через пятнадцать минут приехала машина и забрала и псину, и меня, и ту девушку. Мы с ней (девушкой) гладили собаку по морде, вытирая слёзы, сопли, тушь и дождь. А я ещё вспомнила своего Акбара, так же ехала в машине, а он

умирал, дежа-вю. Про работу я, конечно, забыла, и вспомнила только когда в девять мне позвонили и спросили, а не проспала ли я часом? Я покаялась, что да, проспала.

Смоталась домой, конечно, привела себя в порядок. И работала весь день на автомате – я ж так и не знаю, куда звонить, у кого спрашивать, что там с ними – с собакой, с девушкой? Ей-богу, сердце болело. Попыталась было в ветеринарной клинике, но мне сказали, что ничего подобного не было. А клиника у нас не одна...

А сегодняшним утром на меня кинулась собака. Здоровенная, ухоженная дворняга. ТА собака! Она прыгала вокруг меня, как молодой жеребёнок, норвила облизать с головы до ног и кажется в этот раз смеялась. Первую минуту я орала, как резаная! Просто стояла столбом и орала. То, что меня сегодня не съедят, я поняла одновременно с тем, как увидела ту девушку. Она бежала к нам и кричала: «Фу, Дора!». Девушку зовут Ольга. В ярком пуховике, в шапке с помпоном – я её всё равно узнала. И она меня. Она, как и собака, с размаху кинулась мне на шею. «А почему Дора?»: глупо спросила я. «Помидоры любит» – с улыбкой пожала плечами Оля.

И я пошла с ними гулять. На улице у нас сегодня морозец с ветром, но мы этого не замечали. Оля рассказала, что у неё никогда не было собаки и вообще животных. Что в той клинике у неё что-то перемкнуло, и она просто не смогла оставить собаку там. И что они недавно переехали в наш район. Мы обменялись телефонами, конечно, хотя вряд ли бу-

дем созваниваться. Мне кажется – мы будем встречаться по утрам.

Любовь к людям

Решила я обратно полюбить людей. Ну, просто всё человечество. Ладно, ПОЧТИ всё. А началось всё, конечно, с работы. Работу я люблю, и клиентов своих я тоже люблю. И точно-преточно знаю, что и меня любят многие, и идут именно ко мне, предварительно позвонив на рабочий: "Юлия Михайловна? Ой, а я к вам через полчаса приду!". А делов-то у них – максимум, на три минуты. Для трёх лет работы – неплохо, так скажем. Репутация – великая вещь, пусть и такая незначительная, как у меня.

А тут что-то я загрустила. Утром букой прихожу, любимчикам не улыбаюсь, с обеда минута в минуту прихожу, да ещё и вредничаю. Перестала я их любить. То бабка нахамит, то адекватный вроде дядька такую чушь порет, да ещё и мне доказывает, какая я тут безграмотная сижу, деньги лопатой гребу, ни фиги не делаю... Ну, это всё лирика, конечно. Не задалась неделя. Все раздражать начали, прям видеть их не могу. Как говорится – держаться нету больше сил.

Так вот, сегодня у меня выходной. И решила я проехаться в автобусе, да по улицам пошататься. А поскольку я-выходная от себя-рабочей сильно отличаюсь – ни очков, ни юбки, ни макияжа, ни серёжек, а кроссовки, пуховик и тёплые

штанишки – меня и не узнает никто. И пошла я. В люди.

Вот парочка на площади – они кормят голубей. Его рука далеко вытянута – он снимает на камеру. А хотите – я вас сфоткаю? Их руки сплетены, на них сидят два голубя, девушка и мужчина улыбаются прямо друг другу в губы, а за ними – неизвестно откуда выглянувшее солнце. Волшебная фотография получилась!

А вот я в магазинчик забежала, погреться. И вышла оттуда вместе с бабулей. У неё две тяжеленные сумки, набитые продуктами. Хотите, я вам помогу? Бабуля по дороге рассказывает мне, как болеет внук, а невестка лежит в больнице. Вот она сейчас наготовит и поедет к ним. А сынок в командировке, и что-то сердце ноет и ноет.

Простите, а можно узнать – что вы сейчас слушаете? – моё любимое развлечение. Каждый второй – в наушниках. Исключение – только взрослые тётеньки, годам, эдак, к пятидесяти. Клянусь, ни одну в наушниках не видела! Молодой мужчина с весёлыми горячими карими глазами – у него Игорь Тальков грустным баритоном поёт про запоздавшую любовь, куда там Трофиму с его страстями! Обожаю Талькова. Молодцеватого вида дедок в вязаной шапке "Спартак" – Ванесса Мэй, "Летняя гроза". Или Шторм? Не знаю. Потрясающая вещь. Девушка с грустным и усталым взглядом больного щенка – Раммштайн. Мужчина в обшарпанной дублёнке и наивных варежках – о-хо-хо! – Система. Не думала, что наткнусь на эту песню, не ожидала. Видимо, от неожиданно-

сти стала подпевать. Мужик подмигнул мне и забрал наушник.

Иду домой. Оскальзываюсь напротив детской площадки, с размаху тюкаюсь затылком об ледяной асфальт на глазах у детворы. Им почему-то не смешно, четверо бегут ко мне, хватают за руки, смахивают снег, заглядывают в лицо. Пытаюсь не расплакаться. Кажется, у меня получилось.

Бардак

Однообразие убивает – так пафосно начну. Касается всё той же бытовухи, конечно, про что мне ещё писать, раз год у меня такой, нервно-бытовушный? Так вот, на почве этого однообразия мы вчера поругались с дочкой. То есть как поругались – скандал есть скандал.

Заранее предупредив о времени своего прихода Кукуню (в девять буду дома!), я зашла в магазин, пошаталась немножко, купила какой-то скучной, но необходимой ерунды – сахар, молоко, печеньки, салфетки – пошла домой, пряча нос в рукав от ледяного, проникающего куда-то в позвоночник северного ветра. Кое-как поднявшись на свой пятый этаж, долго возила ключом в замочной скважине, что тоже не добавило мне прекрасного настроения.

Дома бардак. Потрясающий своими объёмами, классический, вездесущий, полный бардак. С этого, собственно, и началось. Сначала я ворчала тихо, потом всё громче, а потом,

когда Жека стала огрызаться, я не выдержала и начала блажить. Кричу я не особенно часто, поэтому Кукундия разозлилась в ответ. Посыпались взаимные обвинения, мелкие обидки, «а ты...», «а сама-то!..». В конце концов я собрала хлам в мешок и выставила за дверь. У Жени случилась истерика – она со своим драгоценным барахлом расстается не менее мучительно, чем я со своим.

Загнала в кровать. Занесла обратно мешок. Сажу, разбираю, матерюсь про себя. Накрывает запоздалое чувство вины – ребёнок же до сих пор не понимает время! Начинаю ругать себя последними словами, чего, спрашивается, верещала? Устала, да, каждый раз одно и то же, да, но Жека-то при чём? Сама виновата.

Разбираю исписанные листочки, бумажки, обрывки, обрезки, наклейки. Господи, где это всё помещалось? Листаю какой-то альбом, подаренный на первое сентября отцами города в жёлтом тряпичном мешке для сменки. То ли альбом, то ли чё – картинки в духе «Я и мой разлюбимый город Малые Козлищи». То про основателей, то генеалогическое древо приплели, то «нарисуй своё любимое место»... Я уж было собралась выкинуть сей шедевр местных типографов, но на предпоследней страничке был написан вопрос «На кого ты хочешь быть похожим, когда вырастешь?» Корявыми неверными печатными буквами там было старательно выведено – «На маму патомуш то я на неё нипохоже а на папу похоже»

Всё-таки я расплакалась.

Не надо быть на меня похожей, не надо. Я больше так не буду.

Зато сегодня... Зеркала в потёках (тряпочкой мыла!), на полу лужицы, телевизор, стол, комод – всё оттёрто от всяких вкусных вещей. И, что меня больше всего растрогало – на кухонном столе стоит тарелка с разогретым супом (немножко лапши на подоконнике, немножко – на плите), криво отрезанный кусок хлеба (доска с крошками уже в раковине), и на сиротливом обрывке бумажного кухонного полотенца, за неимением салфетки, лежит ложка. Жизнь, кажется, удалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.